

16+

Ечевский Д.О.

Тираннозавр

Данил Олегович Ечевский

Тираннозавр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67314473

SelfPub; 2022

Аннотация

В этой книге нет летающих креветок или тем более парнокопытных тараканов, бороздящих моря, зато в ней есть стихи, одинокий человек, кровожадный тираннозавр и несчастный мальчик, ведущий борьбу со своими родителями и реальностью. Начинается все с того, что... А вот я вам не скажу, с чего. Сложно сказать, чем такое может закончиться. Но одно можно сказать наверняка: перед вами выдающаяся книга, состоящая из страниц. Ее автор – непревзойденный никто. Вы почти наверняка что-нибудь о нем не слышали. На страницах написан текст. Текст состоит из абзацев. Абзацы из предложений. Предложения из слов. Ну и, наконец, слова – из букв. Буквы же состоят из чего-то неведомого, красивого и перенасыщенного болью.

Содержание

Один	6
Тираннозавр	36
Спокойной ночи	74
Р-ад	75
Послесловие	76
Родина	77
Не упади	78
Мечты	79
Сколопендра	80
Выход	81
Больше не	82
Эйфелева башня	83
Монпелье	84
Всего лишь	85
Венская пальма	86
Не должен	96
Одинокий лимб	97
Пластмасса	98
Сироты	102
Для чувств	103
Собой	104
Слова	105
Весна	106

Тьма	107
Автопортрет	108
Попытка	109
Одна и та же	110
Поцелуй	112
Ом-ном-ном	113
Вдох	114
Ты	115
Дом	117
Внутренности	118
Монстр	119
Дыни насилия	120
Свободный	121
Ушел	122
Конфетти	123
Розы	124
И вновь	126
Шум	127
Прошлая	128
Писать	129
Чувства сознания	130
Красота	131
Вослед	134
Лужное будущее	136
На пороге	138
Магазин	142

Сегодня	144
Плата	145
Душа из мяса	147
Рай	149
Осень	151
Помощь	154
Прохожий	155
Мечта	156
Знать	157
Любовь	159
Ближе чем звезды	160
Такая же	162
Развилка	163
Жасмин	164
После сна	167

Данил Ечевский

Тираннозавр

Один

Когда О читает записку, его сердце блюет кровью. Но куда, артерии не выдержат больше. Смяв, он швыряет листок. Прочь. Как если бы это была скользкая рыба, страшно-благоухающая гнилью. Бросает насколько возможно дальше. Как швыряют на ветер слова, когда обещают.

Ужас дырявит сердцу горло. Нечем дышать. Дышать нечем. Испуганной судорогой О бежит к окну. Ручка не поддается. Только дергается нога. О забыл, в какую сторону нужно поворачивать. Едва не сломав, он открывает окно и выбрасывается в него по пояс. Чуть не выпал. Лучше выпал бы.

Ранний ветер обдаёт иглами лицо. Ужасу узко в глазницах. Он бежит погулять по двору. Налево. Направо. Ввысь. Утро. Рассвет. Деревья спокойно стоят где положено. Хватаются, как могут, корнями за почву. Их листья умиротворенно загорают в липкой тени редких лучей. Затекшие кровавым отсутствием сна белки пытаются удержать тревожные зрачки. Им удается.

Круглые глазные вороны перестают летать. Успокаивают-

ся. Садятся на ветви тихих деревьев и одиноко каркают. О еще дышит глоткой. Глупо. Очень глупо. Глубоко. Ведь это всего-навсего листок бумаги. Он же не убьет? О вползает обратно в комнату. Но окно не закрывает. Так спокойней.

Неуверенная медленность лунатика. О шагает в сторону, где это должно валяться. Должно. Но валяется ли? Он еще не видел бумажку. О не поворачивался. Ему ведь придется, О знает. Как и придется каждый день просыпаться. Вот он. Глаза столкнулись с листком. О заблудился в поступках.

Застыл. Мгновенье. Нет-нет, надо поднять. Я подниму его. Я один. То ли он приближается к листку, то ли это листок ползет к О по полу. Как во сне. Как страшно. Колени тревожатся. О поднимает смятый бумажный клочок, почему-то послушно лежавший на потертом паркете. Разворачивает согнутые белые крылья. Листок говорит лишь единственное: «Ты не один». Нет, бумага не может разговаривать. Это О читает. И все. Только эта фраза.

Чей-то выдох в затылок. Зазудела кожа. Нечто стоит позади. О оборачивается. Резко. Быстро. Вокруг. Комната тихо покоится в привычных четырех стенах. Нет. Ничего. Ты один. Почерк кривой, незнакомый. Но пугает не надпись. Не только она. Больше нацарапанный смайлик с белой кожей, улыбающийся с листка.

Его пристальные шипы-глаза-точки слишком глубоко колют в глаза. Кажется, вот-вот с них покатятся слезы. От уродливой улыбки по спине и ногам расползаются мурашки. О

не убирает свой взгляд. Ищет подсказки. Смайлик. Что это должно означать?

Вдруг за окном заорало авто, истязаящее дорогу. Звук выпихнул О из самогипноза. Вывернул наружу взгляд. Листок дрогнул. О отвлекся. Глаза заползали по комнате в поиске мысли. Еще есть время. До начала рабочего дня. До работы и после – одно и то же. Спать не получалось, не получается, не получится.

Письменный стол. Так О его называет, чтобы не упоминать лишний раз слово “работа”. Он-то и нужен О. Уже не первый месяц. Два? Три? Полгода? О слышит. Этот. Это. Пф-ф-ф. И потом О приходится бежать с кровати. Иди куда-то ночью, но ему некуда пойти. Все дороги ведут домой.

О не спал три дня,

а кажется,

что он всю жизнь

и каждый день

не спал.

поговорить об этом не с кем.

говорить.

сказать слова.

услышать пару слов в ответ —

это можно сделать,

но это не беседа,

это ничто — в никуда.

О купил пару тетрадок. Симпатичных и ярких, как девушки. Чтобы начать вести дневник. Хотя как-то разобраться, что происходит. В университете это неплохо помогало О справляться с жизнью. Не теряться в событиях.

О вползает за стол. Он первый раз пробует. Тяжело говорить. О себе. С собой.

Комната облокотилась на его спину. Она мала, как истлевшая спичка. Старая широкоплечая люстра не вмещалась в потолок. Она глядела на О, как парящий ястреб, и часто пугала его своей плотной тенью. О снял эту людоедскую люстру. Аня была не против. Они решили купить что-нибудь покрохотней. Их несбывшееся решение так и осталось висеть с бледного потолка — лампочной кишкой на неперерезанной вене-проводе.

Помимо нее там низенький столик со стулом. Матрас. Небрежно хлямящиеся стопки одежды и коробки с вещами на голом полу. Аня хотела, чтобы эта квартира жила. Питалась. Росла. Радовалась. Аня пыталась сделать ее живой. И не только ее.

После того как она уговорила О отнести страшный долговязый деревянный шкаф советских времен, стоявший в углу, как шпион, на помойку, они задумали ремонт. Удивительно, но О это нравилось. Нет, не удивительно. Ему всегда это нравилось. О хотел бы все это. Но раньше он сам, а теперь слезы не позволяют. Все, хватит.

Ремонт начался. О выкинул старый стол, несколько дырявых стульев с кухни, ужасный раскладной диван, а главное, икону Божией матери и ковер, висевшие на стене. Их он ненавидел больше всего. Однако, с тех пор как умерли родители, почему-то никогда не задумывался о том, чтобы избавиться от воспоминания.

Комнату заполонила пустота. Заполонила, но так и не ушла. Аня. На скопленную горку им удалось купить новенький столик с парой стульев, матрас, все необходимое для покраски обнаженных стен. Аня настояла на умиротворяющем светло-медовом цвете.

О сразу приступил к покраске, но. Было уже поздно. Мед так и не лег на все решетки камеры заключенного. Глаза остро печалила наполовину покрашенная стена, у которой лежал матрас. Нежно-желтый цвет крался уверенным мазками,

пока резко не падал в бледно-серый оттенок выцветшей части стены.

Но как безобразна ни была бы комната, О нра. ненавидел ее. Промокшая невыносимой отчужденностью. Сухая, как срок в колонии. Она еще, бывало, вызывала покой. Казалась уютной. Ее размер – единственный плюс. Не страшно сидеть в тесноте. Хотя как сказать? Было не страшно до недавнего. За окном еще более жуткие вещи. А это единственный дом. Другого нет. Дом не выбирают. Никто не выбирает ничего.

Пальцы по-прежнему стучали по тетрадке. Не зная, с чего начать, О начал:

Я не сумасшедший. Я уверен. Это бред. Это чушь полная. Но я не могу все игнорировать. Это ни к чему хорошему не приводит. Вообще ни к чему не приводит. Ни к чему. Все становится только хуже и хуже с каждым разом. Сначала я думал, мне кажется. Потом делал вид, что мне кажется. Теперь мне не кажется. Что-то происходит. Если можно было бы хоть с кем-то поговорить, стало бы проще. Но с кем? Аня?

На этом слове О повисает в печальной невесомости. Слезы уже накрапывают. Но он резко останавливает их сжатым указательным пальцем. Нет. Не с кем. О вычеркивает слово.

Его сердце еще смотрит на имя, хоть ручка и перерезала воспоминание пополам. Нет. Пунктира недостаточно. Он замалевывает его, чтобы даже очертания не расстраивали глаза. Сквозь – дальше.

Нет. Не с кем. Хорошо, что можно говорить хотя бы с со-

бой. Перед собой ты ни в чем не виноват. Только если не совесть... Совесть. А может, ты виноват всегда только перед собой? Неважно. Что мне известно? Нужно наконец собраться и разобраться в этом! Если ты сам себе не поможешь, – никто не поможет.

О подчеркивает и выделяет это предложение.

Нужно помнить, что чем больше ждешь, тем меньше остается ждать. Так говорят. Но куда еще, если вся жизнь – одно огромное ожидание? Я пробовал. Оно не уходит. И, видимо, никогда не уйдет. Людям проще, когда они разговаривают. Это точно. Ужас в том, что никто не способен понять никого. Это невозможно. Если бы я сказать про это. Кому интересно? Покачали бы головой. Это полная чушь. О чем говорить? Никто не спросит. Никто не увидит во мне перемены, потому что никто меня не видит. Я свободен в комнате метр на метр, пока не наступает ночь. Мне тяжело, я. На самом деле я хочу, чтобы меня видели. Ну вот, так и знал, что не смогу написать об этом. К чему все эти сопли? Страница уже закончена, но ни слова о том, зачем она была написана. Это удивительно, я боюсь признаться не только другому, но и самому себе. В чем мне признаваться? Что я слышу что-то за стеной? Много кто что слышит. Но не такое. Это не просто звук. Кажется, что звук только часть чего-то целого, чего-то большого. Деталь. Это не звук. Звуки не могут быть такими жуткими и невыносимыми. Стены, потолок, чувства, этот скрежет и то, что происходит – все это части единого.

Почему это так сложно писать? Почему? Как об этом разговаривать? Я пытался рассказать об этом уборщику. Его совет – психиатр. Больше мы не общались. Где достать на это деньги? Заключить контракт, найти щедрого клиента. Тогда можно будет об этом подумать. Если пойти с этим в государственную клинику, мне поставят диагноз. Как тогда работать? Забавно, я думаю, люди вроде меня умирают не из-за старости, а из-за отсутствия денег. А что еще? Позвать батюшку? Чтобы он тут все освятил? Ну и хрень. Чушь. И все равно нужны деньги. И все же я не сплю. Не знаю, что хуже: умереть или не спать. Почему оно просто не убьет меня? Тогда выплусь. Адекватен ли я? Я никогда бы не поверил, что сходить с ума это так страшно. Это ужасно. Кажется, вот-вот, еще чуть-чуть и все. И ты будешь страдать еще больше, но уже ничего не сможешь с этим сделать. Будет уже поздно и никакого контроля. Сходить с ума очень больно. И все, что происходило, можно было бы объяснить галлюцинациями, но записка. Говорят, если чувствуешь, чтоходишь с ума, значит, неходишь. Что тогда с запиской? Она ведь настоящая? А еще говорят, если тебе кажется, значит, не кажется. Я трогаю ее, держу в руках, чувствую. Если я сейчас уйду, а затем вернусь, бумажка останется лежать здесь, на этом столе, где я ее оставил. Кто ее написал? Кто?

Вдруг О понял, что делать. Он дернул листок за шиворот и пригвоздил его пальцем возле тетрадки. Почерк. Мой или нет? О пропахал взглядом почти каждое слово на тех

страницах, что успел написать. Нет. Не мой. Если так, то все остальное тоже может быть правдой. Нужно идти на работу, иначе босс будет в ярости.

День. Душный душ. Дождь так и не пошел. Только черно-синие синяки-тучи, недвижимо сидящие на небесном потолке. Как будто кто-то дал небу в рожу. Но ни одной капли. Ни одной лужи. Воздух задыхается. Тучи не выпускают жар наружу из засаленного помещения города.

В газовой камере: птицы и люди. Единственное красивое место в концлагере – это небо. Последняя связь со свободой и прекрасным. Но что, если на небе нет неба? Только заплесневелые бугры висящего в воздухе снега. Отобрав у заключенного небо, ты отберешь его свободу.

Что может быть ужаснее для человека лишеного сна, чем жара и работа, которые он ненавидит? О пытался, как мог, отсыпаться на своем месте. Нет-нет, не пытался. О. пытался работать, честное слово, но все равно засыпал. Пока тиранический крик начальника объяснял, что так нельзя. Так жить нельзя. Надо звонить. А то..., ты же знаешь? Выговоры. Вычеты из зарплаты. Увольнение.

О уже ничего не страшно. О боится всего. Того, кто не спит, – не напугать, он и так живет только во сне. В кошмаре.

Выкатив вместо глаз свое обаяние. Со всевозможной внимательностью. С усыпляющим лизанием самолюбия. Сотрудники выслушивают то, что им неинтересно. Ежедневные напутствия шефа. Каждое слово они знают наизусть. И даже

манеру, с которой оно будет сказано. Чаще всего: ударом в нос посреди сна. Неожиданно, но заезженным словом.

О не мог смотреть на начальника. Вся эта агрессия вызывала тревогу и душила дыхание. О постоянно кружил своим взглядом, пытаясь найти середину между чуткостью и безразличием. Только бы не смотреть, только бы не видеть его, иначе можно сойти с ума. Но начальник ловил глаза-беглецов. О, НА МЕНЯ, смотри НА МЕНЯ. Где ты летаешь?

Сколько новым не был бы ремонт, маленькое помещение с тьмой рабочих столов, – плечом к плечу – стационарных телефонов и несколькими десятками сотрудников было гробом. Бизнес-склеп премиум класса с кучей уродов, захороненных в нем. И весь потолок в камерах, сканирующих душу. Сидят по углам, как гигантские кровожадные мухи. Ни одному миллиметру гроба не избежать их раздевающих глаз.

Приталенные улыбки. Костюмчики-радуга. Модная мода. Побольше помады. Карманная расческа. А как ты хотел? Хочешь обманывать? – Ну так надо уметь! И все трупы – с надеждой на лучшее. Стать толстосумами. Чтобы кошелек был такой же жирный, как брюхо. Надеть на себя вещи. Всем надо денег. Все бедные.

Лизоблюдство всех блюд, и не только. Если придется, – каждый готов идти на многое. Вся прочая добропорядочность, с умыслом натянутая на самолюбие их лиц. Услужливая услужливость. Да, они психопаты и ублюдки. Но для всех них эта работа – единственное возможное будущее. По-

следняя соломинка, которую не только нужно облизать и положить в рот, но, если потребуется, и сунуть куда положено.

А что еще остается в стране, которая ничего не производит? В мире, который производит лишь ложь? С такими людьми не то что работать, пускать параллельную струю в сортире – не хочется. Однако, другого места О не нашел. А смысл слова голод понятен без словаря.

Шеф плывет перед глазами. Как китайский дракон на красивых картинках. Только шеф не красивый. Кажется, у начальника нимб. Нет, это его новые очки. Он как-то невероятно высок, хоть и низок. Неестественно большой. Начальник распластался и разлился по помещению костюмным жиром. В сравнении с ним работники, как сверчки в своем черноземе на стульях. А все происходит, как и должно, – как школьный урок. Так нет, он и есть – школьный урок. Только вместо учителя стоит отморозок.

О не может сконцентрироваться. Ему видится, будто шеф застрял в воздухе и медленно растекается по близлежащему пространству. Точно дух какой-то на пейзаже художника.

Глаза О слезятся. Веки коллапсируют и схлопываются. Сами собой. Падают, падают, падают. О уснул во сне. Мысли, как бабочки. Живут один миг и думают только о записке. Жирные, толстобрюхие бабочки, ползающие по полу, потому что нет воздуха. Окно. Где же окно? Почему, почему никто не откроет? Взгляд О прилип к стеклу и был промазан по нему со звуком, от которого мурашки. Панорама. Зачем?

А там же воздух гуляет на свободе... Почему я не воздух?
Душно.

Шеф закончил было свой нерукотворный урок и приготовился лакомиться вопросами. Плоскими песнями орало на фоне всего этого радио, делающее тошноту тошнотворнее. Шеф закричал:

– А ТЕПЕРЬ НАЗОВИТЕ МНЕ ПЯТЬ ЭТАПОВ ПРОДАЖ!

УДАР В КОЛОКОЛЬЧИК. Этот колокольчик. Сколько его можно бить? Руки каждого набрасываются на начальника, зверино вскакивая со стульев. Это не опечатка и не смысловая ошибка. Руки вскакивают со стульев, блюя слюной, и пытаюсь пощупать свою луну. Заветная фантазия прозрачных людей – внимание начальства. Говорят, если полизать сладкие сопли ублюдков, тоже станешь ублюдком. Будешь крутой, как урод. Вот оно что.

Шеф похвалил команду за рев.

– А ну-ка, все вместе!

Не девственный хор забеекал в ответ:

– Знакомство!

– Так!

– Выявление потребностей клиента!

– Так?!

– Презентация!

– Ага!

– Работа с возражениями!

– И-и-и-и-и-и!

– Завершение сделки!

– И завершение сделки! Так точно! Именно! Вот наша цель! Вот, что нам нужно!

Оргия голосов на рынке премиум класса. Молодые бабки мужского пола. Все это время О просто шевелил ртом. Он уже стал своего рода мастером шевеления ртом. Но О не удержался и застрял в широко-сладком зевании, так что он еще больше прослезился. Шеф сразу подметил это хамство, эту дерзость, это личное.

– О, – крикнул внезапно шеф, – расскажи-ка нам главные правила процесса продаж, хм?

О оторопел. Он еле ухватился за тут же ускользающий из памяти вопрос и стал бормотать заученные фразы:

– Так, ну, это последовательность...

– Строжайшая, точная последовательность этапов! Именно! Будь точен и уверен, О, иначе клиент не воспримет тебя всерьез! Что еще?

– Адаптация... под клиента...

– Правильно! Ещё?

– Пффф, не пропускать этапы...

– Верно, если пропускать этапы, ничего не выйдет! Дальше!

– А-а-а-а, я... хмм... не знаю, не помню.

– Полное выполнение! Это полное выполнение! Напиши себе на лбу, чтоб не забыть!

Как хорошо, что начальник остановился на этом. А не перешел к А НАРИСУЙ-КА НАМ ГРАФИК.

Владыка оглянул всех детей своих.

– Вот видите, даже такой ужасный сотрудник, как О, может назвать хотя бы три из четырех правил процесса продаж! Правда, это не мешает ему быть неудачником, да?

А-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха. Умора, просто, невозможно.

– Многие из вас, кто только пришел в нашу команду, небось, спрашивают себя: “А кто вообще такой, собственно, этот О?” А О – это наш давний сотрудник, не заключивший, насколько мне помнится, ни одной сделки.

Вытянутая рука шефа бьется в судороге.

– Ну там была, наверно, одна какая-то на ничтожную сумму, а в остальном...

Рука пренебрежительно выброшена в зал.

– И зачем я держу тебя здесь, а?

Чтобы было на кого срываться и из-за неукоснительного выполнения статистики.

– Ладно, не будем о грустном! Просто не будьте, как О, и у вас все получится! За работу!

УДАР В КОЛОКОЛЬЧИК. Это ублюдский, сука, удар в колокольчик. Под истерику радио каждый украл со стола по телефону. Глотки заорали адским ульем в трубки. О, да! Блаженство! Да! Да! Да! Деньгиги! ДЕНЬГИ. Это то, что нам надо! Обворовывать стариков! Омерзительно-деньги.

О идет по списку номеров. Гудок. Ало, добрый день, это Ирина Андреевна? Да. Я звоню вам из... Сброс. Гудок. Речь. Сброс. Гудок. Слова. Отказ. Гудок. Дыхание в трубку. Гудок. Ало? Время елозит в грязи, сворачивается в трубочку. Ало. Добрый день. Время идет. Куда? О становится плохо. Все хуже. Дышать. Попить. Попить. Но прикол пустыни в том, что в ней нет воды. Ало. Ало. Гудок. Ты не один.

О ничего не заметил. Он просто звонил. Звонил и звонил, как вдруг оказался на полу. Первым, что он увидел, было бардовое лицо шефа, допытывающе-крупное, уродливое лицо. Он был слишком, слишком, слишком близко. О стошнило в мозг.

Клоунская обувь. Растопыренные кинжальные носки туфель. Выброшенное за борт пузо. Отвратительная поза ублюдка. Рядом медицинский работник, осуждающе-напыщенным взглядом харкающий в О. Со всех сторон глазают молодые дамы и господа.

Вроде бы очнулся. Этот очнулся. Придурок. Да, вот он. – Защебетали свиньи в грязном воздухе.

– Что это со мной? – Невинно роняет О.

Никакой реакции. Вроде бы совсем ничего. Шеф готовится. И тарашится, как дерьмо, проникая все глубже в глаза О. На жиденьком поносе его морды – едкое негодование ребенка, который не понимает, почему игрушки ломаются. Рот приоткрыт, как даунская дверь на выход. Внезапно. Шеф оживляется, как ветер. Не двигая, однако, головой и заледене-

нев в том же положении. Неприлично и пошло близко к О.

– Так что вы говорите, доктор, подобное непозволительно на рабочем месте?

– Безусловно.

– Хм-м, но что же стало причиной такого, скажем, происшествия? Не тунеядство?

– Тунеядство, однозначно. Оно часто вызывает подобные приступы тунеядства.

Заключил медицинский работник. Все заключил, морща пафосный лоб. Странно. Там что, вообще есть медицинский работник?

– То есть, если я вас правильно понял, такой человек является угрозой для любого предприятия?

– Совершенно верно. Подобных субъектов следует изолировать, эм, и-зо-ли-ро-вать! Это угроза для ведения бизнеса, и вы никогда не знаете, когда и как она себя проявит. Обществу надо от подобных тяжелобольных избавляться, из-бав-лять-ся!

– Вот оно как! Выходит, господин О, что удерживать вас здесь более не представляется возможным. У вас больше нет работы. Можете подняться?

– Не знаю, наверно.

О щебечет губами, как спящий.

– Тогда я прошу вас как можно скорей удалиться из данного помещения, так как это частная собственность. Иначе я буду вынужден позвать охрану.

О попытается. – О всегда пытался. – приподняться, но напрасно. Его тело подобно куску расплавленного металла, а потому куском мы называем его только условно. Перед глазами канал с рекой, текущей в канализацию. И бензиновая пленка на лице у Ани. Спина О – как прилипшая к полу жвачка.

– А знаете что?

– Что?

– Видимо, все же придется вызвать охрану.

– Антон Александрович, простите. Я наверно чуточку задремал, но, уверяю вас, такое больше не повторится. Я сейчас же примусь за работу, вот увидите. Мне только нужно как-то подняться...

– Ну вот, доктор, как вы и говорили, по-хорошему негодяй уходить не хочет.

– Н-да, н-да. Безусловно, тунеядцы – все такие уроды.

Шеф выпрямляется. Его лицо резко удаляется, но не взгляд. Взгляд забит. Пристально. По гвоздю на каждый глаз.

– Ох-ра-а-а-а-на!

Из пола выросли высокие пузачи – две тупые погани. А за их спинами взошел прям из навоза дед-мухомор. Красномордый пожилой дяденька в форме с фуражкой, который спросил:

– Этот?

– Да. Проник как-то в наш офис. Вот неужели не знал, что здесь частная собственность?

– Так ребятки, берем!

Два жирдяя хватают О. За руки, за ноги и понесли. Понятно, какой частью тела вперед. Шеф провожает О все теми же гвоздями в пустых глазницах. Весь персонал сотрудники-кузнечики прыгают в стороны, чтобы не заразиться увольнением.

Проблема в том, как спустить О на лифте. Толстолобые олухи пробуют уместиться с ним, заноса О то с одной стороны, то с другой. Все решается, когда выбегает шеф. Крикнуть словесный поцелуй на прощание:

– Идиоты, его же клиенты увидят! Через запасной!

Стали спускать по лестнице. О доволен. Приятно, когда тебя несут на руках. Только вот вся эта неразбериха с работой... О так и не понял, что был уволен. Его кач-покач-укачивает. Спать. Поспать бы. С каждой ступенькой он все больше пропадает, пока истеричная команда дядьки-мухомора не возвращает его. И-и-и-и-и-и-и раз! Мордовороты швыряют О во двор.

Но промахиваются, потому как тут же. О не успел уснуть. Асфальт не успел нагреться. Пузочи не успели уйти (вернее, успели, но им пришлось вернуться). Тут же один из сотрудников выбежал вместе с теми же охранниками.

– Идиоты, его же клиенты увидят! Не здесь же его бросать! Вон же мусорный бак стоит!

Толсто-мышцы делают свое дело и уходят. Какое-то время О пытается разложить благоухание на составляющие, что у

него успешно не получается. Зато этот опыт вынуждает О выбраться наружу куда быстрее, чем желание.

Ну вот, рубашка порвалась. И брюки. Нет смысла стирать. Придется покупать новые. А как же я куплю их, если у меня нет денег?

Сознание О заблудилось в трущобах, по которым он шел. Вообще, то были не трущобы, а центр города. По нему очень сложно найти дорогу. Даже если ты бывал там почти каждый день последние полгода. Мысли заплыли жиром. Спать. Домой.

Раскаленная панельная банка насекомых высится многоквартирными уровнями страдания. На входе О будто вручают новую пару легких. Он чувствует себя подозрительно бодрым, но он все еще не в силах понять, что случилось на работе. Может быть, завтра все прояснится. Да, пойду туда завтра. Антон Александрович уже не будет так зол и позволит мне продолжить.

В протухшем подъезде, будто в банке с гниющими червями. Сырость подвала, мокрая, как моча. Кошачьи дела, спекшиеся в уголках. На первом этаже постоянно так. Как и на втором, но хуже третьего. Чем выше ползет О, тем быстрее за ним бежит тревога, от которой он прятался вне дома. День отступает. И все кошмары, происходившие с ним в квартире, снова наливаются красочной явью.

О стоит напротив двери. Что-то не дает войти внутрь. Может, забыл ключи? Выпали? Нет, шов все там же, где его

оставила Аня. Его присасывает к двери соседней липучкой подъезда. Вопрос. О ни разу не разговаривал с ними, но часто видел, как глава семейства спешит на работу или выкидывает мусор. Пребывающим в сомнении пальцем О нажимает на дверной звонок.

– Кто там?

Веский, рассерженный голос.

– Меня зовут О. Я ваш сосед слева.

– Уходите!

– Простите, я не могу. Мне очень нужно с вами поговорить.

Дверной шов расходится, удерживаемый кишкообразной золотистой цепочкой. Оттуда высунулась старушка на вид лет семидесяти.

– Вы кто? Я ничего покупать у вас не буду!

– Я ничего не продаю. Я ваш сосед.

– Нет-нет, молодой человек, уходите. Мне ничего не нужно. Чего вы мне тут хотите продавать, а?

– Я не продаю. Я живу слева от вас. Я ваш сосед. Мне нужно с вами поговорить. Вот моя квартира.

Палец твердо стоит на своем и указывает.

– А! Ба-тюш-ки. Наркоманы, о-о-о-о.

– Нет, женщина, я не наркоман. Я ваш сосед.

– Как?!

– Сосед ваш!

– А, сосед! Я так сразу и не поняла. Чего вам надо?

– Скажите, а вы не слышите по ночам ничего странного?

– А?!

– По ночам ничего странного не слышите?

– Слышу, конечно! А чего такого странного?

– Какие-нибудь необычные, пугающие звуки вроде скрежета, царапанья или рычания?

– Ой-ой, вы мне тут вот это не рассказывайте. Какого-такого рычания? Ничего не слышим. Нет. У меня сын скоро с работы придет. Главный менеджер по продажам! Чего вам надо? Уходите, уходите. Будете тут мне сказки рассказывать.

Дверь оставляет за собой хлопóк и пыль.

К сожалению, О предстоит пережить это снова. И снова, и снова, и снова, и СНОВА. По-новому. Палец не медлит и жмет на спусковой крючок. Вторая.

– Да? Че?

– Здравствуйте, я ваш сосед. Мы можем поговорить?

Дверь дерзко распахивает свою рубашку. Вместо волос из нее лезет высокий, полноватый лысый мужик.

– Ты кто? Че надо?

О проглотил слюну, стесняясь. Позади мигает жена мужчины.

– Эй, слышь, с этим ты мне изменяешь?

Жена с презрением возвращается и вопросительно глазет на О.

– Это что за хрен?

– Хороший вопрос. Ты что за хрен?

– Я ваш сосед. Вон моя квартира.

– Так и че тебе надо, сосед?

– Скажите, вы не слышите по ночам ничего необычного?

– Например?

– Ну, например, скрежета или царапанья за стеной?

– А ты слышишь?

– Да, уже больше месяца.

– Хм-м, не, мы ниче такого не слышим. Но знаешь, че я тебе скажу. Была у меня подруга. И тоже так слышала и спрашивала всех. В итоге, то ли арматура там какая-то двигалась, то ли еще какая хрень, без понятия. Не знаю, как именно, факт в том, что ты такой не один.

– Но вы ведь ничего не слышите?

– Не-а.

– Совсем ничего? Но как тогда такое...?

– Все, парень. Пока! Всего хорошего.

Вторая пыль ударила в глаза так же неожиданно, как и первая. О медленно повернулся и стал вынимать ключи. Дверь. Вот они и столкнулись глазами. Страх вернулся. Он знал, все повторится. Тревога. Тремор. О обронил ключи. Зачем ему жить? И бесчеловечный бетонный пол, коричнево-застывшая бездушная жижа. Заляпаный и забрызганный какими-то непонятными и нестираемыми слезами грязи.

О снова дома. Путь на кухню под фиолетовый концерт на фоне стен. Холодильник. В нем почти ничего нет. Пара

стухших котлет из ларька напротив. Исхудавшее от старости яблоко. Нагло глядящая изо рта оставленного им творожка плесень. Вчера же купил. Откуда плесень? И три банки пива. Единственные выжившие. О берет две из них и переплывает в комнату.

Задницы банок упираются в пол, и третья неподалеку. О сидит напротив стены, что пытала его невыносимо долго. Невыносимо скоро это продолжится. Глоток. Но теперь нет работы. Ничего. Кроме медово-серого монстра с каплями краски вместо зубов. Напоминание о том, чему никогда не сбыться. Воспоминание о жизни, которой не было.

Глоток. Пиво отпускает тело, разжижает кости, заживляет язвы. Ненадолго страха нет. Есть записка. Она так и лежит, притворяясь, как труп. Задержала дыхание и говорит, улыбаясь: «Ты не один». О садится за стол. Веки противятся приказу быть открытыми. Но О пишет.

Значит, реальна. А какая, в конце концов, разница? Реальность для каждого – это то, что он видит. Что же я чувствую теперь? Теперь? Навсегда.

Ручка замирает в ужасе от этого слова. Боль скользит бритвой по сердцу. На-все-гда.

Это так долго. Почему тогда вечность так быстро закончилась? Почему так? За что? Я всегда делал то, что мог. Ей нужно было больше, чем я давал. Но я давал все. Я пуст. Мне нечего дать. Что писать? Как выразиться? Выразить себя? Зачем? Свои переживания. Переживать. Пережевывать. Пе-

ре. От одиночества немеешь. О самом важном нечего сказать. Просто иметь ее рядом и сказать ей слова, что понятны без слов. Внутри многое. Снаружи ничего. Ты не замечаешь, как теряешь способность изъясняться. Эти строки – не просто желание, а необходимость. Как будто слова, записанные на идиотском листе бумаги могут что-то изменить. Пустословный листок. Мне нужен кто-то. Пусть даже бумага. Рассказать тебе, что у меня сегодня было? Меня уволили. Да. Что дальше? Я не знаю. Ты не удивлена? А я не ожидал. Я схожу с ума от рук своего дома. Но кроме него. Спать или нет? Надо попробовать.

Прошло то время, когда, отбирая у будильника каждый дюйм минуты, проведенной в постели, О ворочался в страхе перед работой. Не перед этим. Это все. Больше нет сил. О падает в грязные объятия матраса. Надо постирать.

В черном свете. Острыми порезами очертания ее лица. Красивые, как звездное небо: скулы и запертые глаза. Разомкнуты губы, а ключ в сердце. Горячие и нежные, как два воздушных шара, как масло. Мягкое мясо. Изгибы лианами вьются перед зрачками... Ливень волос на груди. Ее ноги в его руках. Ее поцелуй. И слова щебечут сквозь жар и любовь:

– Может, сегодня?

– Что сегодня?

– Я готова. Думаю, уже пора. Может, попробуем?

Ее зубы не пускают О. Но он вырывается из жадных губ. Она хватает его порыв за предплечье. Напрасно. О уже за-

был обо всем. Он ничего не хочет. Грудь не дает покоя. И ребра, что хотят проткнуть друг друга. О отползает. Печально-сгорбленный сидит на краю матраса. Позвоночник-сколопендра трусливо вылазит из спины. Не в силах спрятаться от луны.

– Я не готов.

Аня обвивается руками вокруг О. Но он противится, отодвигается.

– Я не могу, ты ведь знаешь об этом.

– Чего ты боишься?

– Я... я не знаю.

– Я хочу детей, я твердо решила. Наверное, это единственное, чего я по-настоящему хочу в этой жизни.

– Я знаю об этом. Но не могу. Не сейчас.

– А когда?

Последняя косточка надламывается, и суживается горло. О больше не способен. Кричит.

– Ань, я не знаю когда, но точно не сейчас! Я вообще не уверен, что когда-либо захочу детей!

Молчание. О быстро стынет. Молчание. Его совесть трясется в припадке. О вспоминает, он потерял ее, ОН ПОТЕРЯЛ ЕЕ!

– Аня?

Нет.

– Аня?! Аня!

О оборачивается. Нет. Нет. Нет. Никого. Нигде. Никогда.

Позади. Спереди. Никого нет. Лишь пустая сторона матраса и стена. Та самая, недокрашенно-жуткая, жутко-ровная, безглазая стена-урод. «Надеюсь, больше никогда не встретимся». Этот голос. Эта фраза. Шепот откуда-то из-за стены. О бросается к ней и стучит в немое бетонное лицо.

– Аня! Аня!

Ничего. Тишина. Беззубое бормотание стены. Ухо прилипает к ней. Где-то там, внутри, едва различимое. Что это? О не может разобрать его. Да что?! Ребенок рыдает.

Там плачет какой-то ребенок. Поначалу чуть-чуть, затем вопит ему прямо в перепонку. Невозможно. Невыносимо. Сойти с ума это еще не самое страшное. Что тогда? О пытается замуровать пальцами уши. Забить, завалить, придушить плач. Но крик накатывает и разливается по комнате и одеялу. Тело извивается и просится выйти из себя наружу. Вибрирует покрывало. В какой-то момент О начинает различать нечто другое.

Нет. О нет! Это не ребенок, это скрежет, это. Куда?! Близкий, как удар. Громкий, как тишина. Это слишком, слишком, СЛИШКОМ. Ему кажется. Да, ему кажется, этот скрежет вовсе не из стены, нет, из его собственной головы. Из его уха. Его ухо кричит и рвет на себе кожу.

Этот плач, и скрежет, и ужас льются из него. Он – труба, по которой течет все. Как будто кто-то с смертоноснейшей быстротой царапает ногтями его череп ИЗНУТРИ. Рой монстров. Ад внутри. Ржавые ногти. Мозг зудит и воеет. Больно!

Мне больно! Человек сам себе дьявол. Его голова – это концлагерь, в котором убивают весь мир. И над миром нет неба.

О просыпается. Скрежет все ближе, громче, скоро. Ужас. О отбегает от стены. Хлопает по выключателю. Свет. Он отшатывается, отшатывается, отшатывается. Стопы бредут, ломаются. Ползет. От стены к стене. Пытаясь ухватиться за пол, но только сдирает ногти.

Все громче и сильнее, больнее. Скрежет. Скрежет ползет за ним по воздуху, по воспоминаниям, по любви. Спина прижата к спине комнаты. Ему больше некуда уходить. Ему не уйти.

О пытается влезть в бетон, но тот толкает его в спину, стена толкает его в позвоночник. Бьет, едва не ломая. Он мертв. Или жив? Нет. Ты не нужен. Ненужный ты. Уходи.

Крик настолько громок. Еще миг и стена не выдержит перепонок О. И расплавится пеплом, взорвется слюной или из нее вылезет что-то. Как может так кричать стена? Так кричать может только Бог. Скрежет ползет наружу, в одиночество, под тухлый свет кишки, повешенной на проводе. Нечто – настолько же близкое, как вдох. Оно и внутри. По бронхам и в груди. Режет ребра.

– Что ты хочешь?! Хватит! Оставь меня!

Но этого мало. МАЛО! Надо больше, громче, жестче. Ты не раскаялся! Пока кишки не сварятся в боли. Ты должен вечно страдать. Навсегда. Навсегда. Навсегда. Это так долго. Скрежет дышит ему в лицо. О встает и плотно ложится в сте-

ну стоя. Припаянный ужасом. Хорошо быть замурованным.
– Зачем ты мучишь меня? У меня ничего нет. У меня нет ничего!

Спина пинает О в спину. Он падает на колени. Они не разбиваются. Почему?! Пусть они сдохнут и будут плакать кровью. О рыдает безмолвно, недолго.

– Прощу, оставь, прости меня...

О издает поблекший шепот. Он уже совсем. Сквозь себя. Через себя. Судороги тихо стонут. Кровь молится венам, чтобы жили.

Уста скрежета смолкли. Тишина умирает. Ее труп валяется в темном воздухе. Взгляд боится провалиться в пасть стены. О бросает истерзанные глаза в пол. Ничего не происходит. Воздух молчит. И тут. Звук.

Звук, тихий и скользкий, как спрут. Странный, как мысль о потустороннем мире. Усталая тревога вскидывает голову. О готов положить свой череп под пресс. Что терять? Не раздавлены лишь волосы. О смотрит. На том самом месте, где абрикосово-нежный оттенок краски попадает в желудок шершавого бетона. Там. Где смешиваются два моря: будущего, которое могло бы и будущего, которое должно быть. Там розовеют оба берега. Бережно, затем быстрее. Розовый пожирается красным. Это нечто пухнет, растет, расширяется, поедая все больше пространства. Ужас глаз вглядывается в происходящее. Это язва. Она разливается по стене кровоподтеками, едкими порезами, венами рек, сукровицей стен.

Округлый надрыв, который ширится и пульсирует, как приступ. Как застрявшее в стене сердце. По краям раны начинают сыпаться гвоздеобразные черви. Нет места спокойствию для бетонной кожи. Кровавый поток меняется в цвете. А в сердцевине боли начинает виднеться еще что-то. Черное, как дно колодца ночью. И из колодца ползет наружу пальцами-червями, как паук. Что это? О пытается отодвинуться, но спина стены позади не позволяет ему. Только ноги танцуют в судороге. Выкидывают то туда, то сюда носки. Тискообразно смыкают колени и растопыривают назад в попытке сломать коленную чашечку. Это рука. Выползшая из могильной язвы. Из колодца страха. Цвета ночи, она паукообразно тянется к О. Чего она хочет?

Ее пальцы становятся в строй. Все замирает. Язва больше не растет. Рука стынет в комнатном холоде, протянутая в сторону О. Ее кисть разжата, черная ладонь повисла луной.

О не знает, что ему делать. Он сидит. Ничего не меняется. Время елозит. Ноги сами тащат наверх. Подняться. Все осталось прежним. Если бы хотело убить, убило бы. Оно хочет, чтобы я жил. О чувствует себя слепцом, но видит лишь один выход: сделать что-то. Посреди комнатки, крохотной, как косточка. В луже прогнившего света. – Одинокий человек, а перед ним рука, простертая к нему. Медленными попытками О приближается. Она неподвижна. Едва мгновение и страх уйдет. Что ей нужно? Может, это жест? Стопы решаются скорее мозга. Вдруг страх вешается и вызревает, ему

нет места в венах. Нет пути в сердце. О понимает, ничего не осталось. И вот он уже подошел достаточно близко. Достаточно, чтобы ощутить тепло в костях и нежную доброту оливковым маслом по коже. А может... О вытягивает руку. Осторожно. Чтобы не спугнуть море. Пальцы еще нервничают и пестрят дрожью, но О вкладывает их в простертую ему ладонь и жмет ее. Никогда прежде О не было так же спокойно, как в этот самый миг, но.

Тираннозавр

Никому не было никакого дела до того, откуда двадцать третьего августа на рассвете в пять часов семь минут утра на улицу Октябрьской Революции тридцать восемь в поселке городского типа Свобода пришел и встал возле четырехэтажного панельного дома пятнадцатиметровый Тираннозавр Рекс весом восемь тонн.

На блюдца сомкнутых век маленького мальчика пролилась толстобрюхая тень – густая и тяжелая, как нефть. Саша не спал. Только притворялся. Нет, мальчик не был обманщиком. Саша всегда говорил правду. Но чаще всего молчал. Ему просто не хотелось спугнуть своего друга. Вдруг тот бы сразу убежал или стал обзывать и сердиться. Сквозь слегка приподнятую шторку век Саша видел, как персиковое око рептилии драконьим колодцем заглядывает к мальчику в окно. Он наблюдает, как я сплю.

Копоть зрачка рассматривает потертые игрушки, разукрашенные дырками. Интересно, нравятся ли они ему? Да, их не так уж много, но у Саши есть плюшевый трицератопс, деревянный спинозавр и даже большой пластмассовый стегозавр с безумно-красивыми разноцветными шипами на спине. Он как новогодняя елка, свернутая в полукруг! Саша сейчас же встал бы и показал ему все свои игрушки, но. Тираннозавра среди них не было.

Однажды Саша видел в магазине игрушек огромного, зеленого, как малахит, тираннозавра из кубиков LEGO. Каждый день по дороге домой после школы мальчик заходил поглядеть на игрушку. Затем часами окружал ее глазами. Так прошла прошлая осень. Мама сказала, это дорого. Саша написал Деду Морозу, просил об этом подарке. И когда тот пропал с полки, мальчик затаил дыхание. Тираннозавр так и не появился под елкой, как и сама елка. Зато теперь у Саши есть настоящий.

Ветви деревьев за окном хрустят и лопаются, пережевываемые во рту Бога. А око зверя дальше исследует комнату. Радужные пазлы на побледневшем от стыда полу, наклейки на белой, как протухшее молоко, стене. И глобус. Эта удивительная шарообразная карта досталась Саше от дедушки. Единственное, что осталось. Ни единого воспоминания, но это. Как в тумане. Все туман. Саша любил дедушку. Но не может вспомнить его лицо. Мальчик испытывал перед глобусом такой же трепет, как суеверный перед кристальным шаром волшебного лгуна. Все на свете возможно, когда в твоих руках глобус. С какой стороны ни посмотри, как ни крути – всюду мир, всюду жизнь.

Черная лужа рептилии бросила пятно взгляда на стол. На энциклопедию, лежавшую на нем. Толстую, как богатый кошелек. Саша выпросил ее на день рождения. Там было все. О динозаврах, обо всем. Среди тысяч страниц не хватало лишь пары, но важных.

В тот день папа разозлился на маму и Сашу. Он схватил энциклопедию. Стал трепать ее. Когда папа закончил кричать, мальчик попросил свою книжку назад. Прежде чем вернуть сыну мамин подарок, тот вскрыл жирному тому грудную клетку и вырвал оттуда пару страниц. Еле живой труп знаний рухнул на пол.

То были рисунки древних птиц и птеродактилей. Папа пошел есть рыбу и семечки. Скользкие шкурки и косточки снегом опадали на ящериц и выпивали слюной их краску. Саша хотел аккуратно похитить листочки, когда папа ушел в туалет. На тех уже скопилась высокая горка из трупиков семечек. Стоило дернуть, и косточки ринулись в пропасть под стол. Мальчик не успел до прихода. Отец увидел, как тот ползает, впиваясь нагими коленками в пол, раздвигая ножки стула, собирает улики. Саша тут же схватил один листок и второй. Прижал их к груди. Отдай. Как ни старайся, а папины руки длиннее всех расстояний. Скомкав, он бросил листки в мусорку.

Сначала Саша расстроился, но потом придумал себе кое-что. Когда смотришь на небо и видишь там птиц, можно подумать, как будто это птеродактили. И тогда это будет правда. Особенно если они низко летают. Саша очень любит птиц. Он прочел в энциклопедии, что птицы – это настоящие потомки динозавров. Папа сказал, что это дерьмо.

Саша часто смотрит, как летают ласточки. Правда, они похожи на маленькие самолеты. Не те бумажные самолетики,

которые делал Саша, – Они никуда не летают. Немного пронесутся по воздуху и падают. Они даже сами никуда улететь не могут. – А настоящие, большие.

Люди летают куда захотят, когда становятся взрослыми. Даже в Африку или в джунгли, на Амазонку, где большие питоны и анаконды. Анаконды даже людей могут съесть. Потому что они большие, как три мамины гладильные доски. И пираньи тоже могут съесть, но они совсем маленькие, как папины шпроты. Мама говорит, окажись Саша там, то сразу бы умер. Но он все равно хочет туда. Мама говорит, чтобы летать, надо быть взрослым. Но почему-то она никуда не летает.

Внезапный звук прохрустел за стеклом. Пошатнулись занавески. Видел ли он энциклопедию? Глаза мальчика все еще замурованы. Лишь полутона и тени. Саше хотелось рвануть с кровати, схватиться за руку окна и убрать все прозрачные стены. Обнять своего друга и целовать, целовать, целовать. А вдруг они не друзья?

Прижаться, прилипнуть к холодным чешуйкам, обжечь свои руки в котлах его глубоких широких ноздрей, пощекотать внутри, потрогать, ощупать тяжеленные бритвы, жирные кольца зубов. Ну а что, если они не друзья?

Конечно. Дружить. Его никто никогда не учил этим самым простым и важным вещам. Никто никогда не сказал ему это. Однако, казалось, что он где-то наверняка это слышал. Много раз. Каждый день. Каждый час. Самое важное прави-

ло в жизни. Саша знал сам. Если всегда быть хорошим с другими, то и с тобой будут всегда хорошо. И это работало. И у него получалось это со всеми, кроме людей. Совесть

это игра такая. Око знало, что Саша не спит. Знало, мальчик видит все до мельчайших песчинок подробностей сквозь закрытость своих маленьких глаз: абрикосовый чан рептилии с ночью посередине, косточкой-тьмой в жёлтом варенье – зрачком. А вокруг глазного костра – зеленая стенка из титановых листьев и глины, жидкий панцирь из изумрудно-древесных камней, как магма, как травянистая лава, что разлилась по окну вокруг глаза – чешуя динозавра. Саша все еще не открыл глаза. Но ему придется. Всем всегда приходится.

Рекс двинулся вниз. Его хвост нежно лизнул оконное стекло, кистью наконечника. И по стеклу забегала волна вибраций, разлилась по воздуху. Звук, как будто ледяной снежок, запущенный грозой, влип в окно, застыл.

Веки Саши были тут же взвинчены наверх. Глаза открыты. Потолок. Затем шлепок землетрясения у подножья дома. Тираннозавр рухнул наземь; так, что всколыхнулось одеяло, и судорога заерзала в ноге. Спокойно. Закричала чья-то тачка. Так сильно, надрывая горло. Нет, не одна сигнализация. Даже человек не может так кричать. Их море. Сирены, как в той книжке у Гомера. Не кричат ли все на свете звуки, чтобы свести с ума?

Спокойно. Саша дышит животом. Его учил школьный

психолог, после того как он как-то раз начал задыхаться на уроке музыки. Вдох и выдох. Все нормально. Все хорошо. Он то ли счастлив, то ли до немоты напуган. Счастье не отличить от ужаса.

Салатно-карие глаза мальчишки бегут к окну. Еще пару шажков по полу босиком – и все. Шмяк. Шмяк. А что, если? А вдруг его там...? Шаг. Нет. Он тут. Он там! Пятнадцать метров мышц, зубов и силы. Как корабль, что застрял в ужасно-узкой бухте. Среди рифов клумб и лавочек.

Его силе тесно, ему душно. Каждый его выдох дует против ветра, принуждая того повернуться вспять. Полопался асфальт, на нем виднеются распластанные раны – ямы. Даже почву на газоне испещрили язвы. Узкие каньоны расплзаются, как змеи, по площадке с облезшими качелями.

Вся дорога перед домом, каждый вход и выход, все под гнетом восьми тон древнего убийцы. Оконное стекло прилипло к коже Саши. Он никому на свете не отдал бы этот взгляд в его глаза. Майка запульсировала вместе с сердцем. Он смотрит на меня.

Как рухнувший в объятья пледа пес, тираннозавр гладит Сашу взглядом. Его кожа, ломтями мясного камня вгрызшаяся в мышцы – это несбывшиеся перья. Сила – это несбывшиеся крылья. Поэтому все птицы так слабы.

Между слабым мальчиком и мясом мощи от силы десять метров, худое стеклышко-анорексичка и крохотулька-пятнышко красного оттенка снаружи на окне. Вокруг бордовой

кляксы – паутинка, сплетенная ударом. Трещинки разбегаются нитками по стеклу.

Мама. Мама? Мама! Посмотри, там за окном тираннозавр. Я же говорил тебе, что они бывают! Мама? Но комнатная пасть молчит в ответ. Немые стены и звук блендера за дверью. Саша выбегает прочь. Туда, где будто бы под пыткой испускает свой последний выдох чья-то тоненькая глотка. Туда, где писк микроволновки.

Прямоугольная картина. Лучики затвердели в воздухе тонкими полосками. Пылинки ползают, как червячки, по свету солнца. Ее халат. Участки кожи, обрамленные нитками, что тянутся друг к другу ручками. Порванные ткани. Пришитые лоскутки. Небрежны волосы.

– Мама!

– Цыц! Тихо!

– Мама, мама, ты представляешь? Там тираннозавр! За окном, настоящий!

– Да, садись есть.

Мамина рука тычет в стол, глаза глядят в никуда, в экран. Ее скулы напряжены. По новостям бурчат что-то о чрезвычайно сильном ветре. Передают через экран экстренное со-

общение. Всем что-то угрожает. Невиданное нечто. Ураган или циклон. Что-то страшное. Тьма людей. Красно-сине-зеленые человечки бегут. Спасайтесь. Спасите детей. Красно-сине-зеленые рты говорят в студии. Очевидцы ужаса. Кто-то заснял это. Настоятельно рекомендуют оставаться дома. Это во всем мире.

– Мама!

– Садись, говорю, не хочу ничего слушать.

– Но там тираннозавр!

– Где?

– Там, у нас во дворе.

– Ну хорошо, хватит.

Саша рассматривает пол виноватыми глазками. Рисует полукруг большим пальцем.

– Мам...

– Что?

– Он хороший. Он, правда, хороший.

– И?

– Он, наверное, задел наше оконце. Случайно. И нечаянно разбил. Совсем немножко! Там теперь что-то красное и...

– В смысле?

Она с быстрой строгостью шагает в Сашину комнату. Белый халат проносится перед глазами. Оставляет мальчика виновато стоять в одиночестве. Мама хочет увидеть оконце. Сашины ножки бегут за прощением.

– Мама, он хороший. Он очень хороший. Он не хотел, правда!

Она входит, он следом.

– Где?

У Саши в комнате только одно окно. Горячий шаг. Яростная рука пихает и без того отодвинутую в сторону занавеску. Кровавый плевок, будто из пасти туберкулезника, растекается по треснувшему стеклу. Мамин палец ковыряет неровность.

– Что ты сделал?

– Ничего.

Хрупкие блюдца мальчика глядят на молоток маминых глаз. Снизу вверх. Готовый разбить. Виноватые лужи.

– Это динозаврик, мам. Он не хотел.

Мамино лицо меняется. Скулы перенапряжены.

– Это плохо.

– Почему?

– Потому что птица влетела в наше окно! Ты что, не знаешь, что бывает, когда птица ударяется в окно?

– Нет, мам, это не так. Если бы это была птичка, то я бы увидел, как она улетела.

– Ты бы не увидел, как она улетела, потому что она умерла.

Палец продолжает ковырять.

– Это плохая примета... Очень плохая. Вот же дурацкая птица!

– Не говори так! Птичка не умерла. Это была не птичка!

– А кровь тогда откуда, а, умник? Это твой динозавр?

– Я не знаю. Он, наверное, ранен. Ему больно.

Последний брошенный взгляд на будущие финансовые потери.

– Идиот.

В дверь звонят. Она уходит. Саша едва не ломает ручку окна. Чуть не падая, вываливается наружу.

– Прости, динозаврик! Не обижайся на нее.

Испещренная надрывами и защищенная плитами морда. Зубастым конусом она устремлена навстречу словам. Рекс рычит навстречу оправданиям. Низкочастотное бормотание. Так они общаются. Звук, напоминающий треск бензопилы, размером с дом. Глохнувший двигатель весом восемь тонн.

– Она не нарочно. Это она не на тебя сказала. Она это

просто так иногда...

Рекс выставляет на свет ряды толстых ножей. Так, чтобы солнце видело. В черном полубокале с зубами – красный ломоть мяса – язык. Тревога чешет под ложечкой. Дрожь режет иголками Сашины ноги. Рекс делает вдох. Хватает воздух, будто поперхивается, и резко выталкивает наружу рев. Застывший было воздух сдвинут с места. Взрывной волной. В нос сочится безумный запах падали. Саша почти что оглох. Наверное, он не хочет меня видеть.

Саша отталкивается от стекла. Закрывает окно. Мама никогда не любила птичек. Ей они почему-то не нравятся. Может, потому что птички летают?

Когда во дворе как-то раз собрались вороны. Облепили каждую ветку. И сидели. Вместе. Мама сказала, что это плохо. Не подходи к окну. Зачем Саша показал ей ворон? Мог бы и дальше сидеть вместе с ними. Мама сказала, они служат дьяволу. Что они злые и хотят нам зла. Каркают, как смерть. Но это неправда. Они не плохие. Вороны хорошие. Они просто дружат. И когда кто-то умирает, они грустят. Зло это только люди. Саша прочел, что вороны так провожают умершего. Они были печальны. У них тоже есть похороны. Они прямо как люди. Только лучше и добрее. Вороны – это самые умные птицы на свете. Умнее многих людей. А еще они любят играть. Или дурачить других животных. Могут скатываться с крыш домов, как будто на санках. На самом деле вороны очень веселые. Но почему-то они кажутся оди-

нокими.

Коридор. Саша обмокает. Припадает то к одной стене, то к другой. Липнет к обоям. Обволакивает. Ему как-то нехорошо. Сил нет. Голова кружится или еще что-то. Летучих мышей мама тоже не любит, хоть они и не птицы. Мама говорит, они злые и страшные, потому что сосут кровь. Ну и что? Люди тоже пьют кровь и едят мясо животных. Нет, летучие мыши не плохие. Им же нужно, как и людям, что-то пить. Просто вместо воды у них кровь. Без них было бы так грустно ночью. И без мудрой совы. У! У!

Саша видит входную дверь. Приоткрыта. В проеме соседка трясет головой, как индюк. Женщина выглядит так, словно спала она исключительно нигде и никогда.

– Ну как ты?

– Да как я! —

Мама бросает в сторону озадаченную ладонь.

– Черт иво знает, что творится. – Соседка дирижирует пальцем. – То дерево упало и уот то, все машины побиты. Колька пришел, лица на нем нет, говорит, всех кошек во дворе перебили.

– Как? В смысле перебили?

– О так от, с поотрубленными головами валяются, куда ни глянь. Брюхи вспороты. Воняет гнилью на весь двор.

– Кошмар.

– Ужас, говорю тебе, ужас!

– Но как это? Кто?

– Изверги, кто! Вон, по телевизору говорят, по всей стране такое. Сатанисты или ищѐ какая нечисть.

– Не понимаю.

– А кто ж понимает? Черт иво знает, что творится... А твой, что, дома?

– Работает.

– О-о-о, а где он у тебя?

Мама прячет лицо в ладони.

Подслушивать – нехорошо. Саша возвращается в комнату. Небо заволокло бледной плесенью облаков. Уже и не

вспомнить, как недавно лучами плакало солнце. Снова окно. Две увесистые капли стекают. Стекло намокло его слезами. Динозаврик, ты что, плакал? Прости, что я тебя оставил. Я больше так не буду. И Саша вновь взглянул на него.

Ты такой красивый. Ты напоминаешь мне голубого попугая. Большой гиацинтовый ара. Саша видел его в зоопарке, когда ходил туда с классом. Эта птица прекрасна. Его перья цвета лагуны и медово-желтые круги вокруг глаз. Экскурсовод сказал, протягивать ручки к нему в клетку – опасно. Сказал, что попугай кусается.

Саша просунул ручку. Ара вопросительно посмотрел на нее. Недоверчиво повертел вокруг ладони головой. А затем подполз и дал себя погладить. Одноклассники рассказали руководительнице, что Саша сделал. И она при всем классе ударила его по рукам. Несильно. Но мальчику было обидно, что все это видели. Саша врунишка. На самом деле он никогда не видел гиацинтового ару. Это он так только представил. То был совсем маленький попугайчик.

Еще обиднее было, когда Саша пришел в школу с синяками. То был урок математики. Мальчик сел на заднюю парту, пытаясь спрятать синие остатки папиных рук. Учительница спрашивала всех, для чего нужна математика. А ты что думаешь? А ты? А ты? А? Важно мнение каждого.

– Ребятки, что самое главное в жизни?

Кто-то выкрикивает.

– Самое главное – это уметь зарабатывать.

Учительница испражняется счастьем.

– Хорошо, но так и для этого нужна математика! Верно?

– Ну-у-у, не знаю! Да, мна, не знаю!

– Ну вот как ты собираешься зарабатывать?

– У меня будет бизнес, как у папы.

– Но для того, чтобы вести бизнес, нужна математика!

– А мой папа не знает математику, и у него все прекрасно. Я и так буду зарабатывать.

– Заработать ты, может, заработаешь. Но без математики ты не сможешь даже посчитать, сколько у тебя денег. Поняли, детки? Даже дворнику нужна математика!

Но наглый рот не успокаивается.

– А зачем мне их считать? Я буду их только тратить!

Раз за разом. Все продолжается. Раз за разом. Математика нужна, чтобы зарабатывать деньги, а палеонтология вообще ни для чего не нужна. Очередь доходит до Саши. Его голос дрожит. Он не может отвечать.

– Вот посмотрите все на этого мальчика. Этот мальчик не знает математику, и поэтому постоянно опаздывает. А потом он вырастит и будет глупым. Ничего не учит. Ты что, хочешь быть лупнем? Да тебя даже в дворники не возьмут! Чего ты там спрятался? А ну-ка, иди к доске. Сейчас посмотрим, как ты подготовился к уроку.

Саша пытается отнекиваться, но ничего не получается. Ему приходится встать.

– Кто твой папа? Тоже, небось, бизнесмен?

К синякам притрагиваются одни глаза за другими. Толпой взглядов. Саша плетется. Согнутым призраком. Он у доски.

– Это что еще такое!

Рука преподавателя хватается Сашу за рукав. Дергает. Резко. К себе. Мальчик спотыкается, едва не падает.

– Это что еще такое?!

Палец тычет в те места на коже, что цвета голубого ары и карибской бухты. Кажется, будто учительница забыла все остальные слова и фразы. Но нет:

– Вот ты еще какой! Драчун?!

Она обращается к классу.

– С кем он дрался? Кого он побил? Признавайтесь!

Все, кроме учительницы, знают, что Саша не умеет драться.

– Марина Петровна...

– Нет, мальчик, ты допрыгался, ты доигрался у меня. Я вызову твоих родителей. Я так просто это не оставлю. Тебя поставят на учет за хулиганство. Вот помяните мое слово, такие мальчики потом умирают под забором. Такие хулиганы становятся наркоманами. Потом припомните мои слова!

Она не унималась и все спрашивала. Но Саша молчал. Потому что, если Саша не молчит, значит, говорит правду. Дедушка как-то сказал: "Если тебя ненавидят, значит, ты все делаешь правильно. Правого человека всегда хотят убить".

Потом Марина Петровна вызвала маму в школу и сказала, что Саша дерется. Но мама не поругала его, так как знала, что Саша не дрался. Время от времени эта сцена у доски повторялась.

Для некоторых вещей не существует слов. Только чувства, известные лишь тому, кто их прочувствует. Про некоторые вещи нельзя говорить. Не потому, что не хочется, а потому что это невозможно. Сказать невозможно. Саша заглядывает Рексу в глаза и легонько показывает ему самое страшное. Воспоминание.

Одноклассники улыбаются и шушукаются. Их тела намокают мурашками и грязно-липнувшим потом, когда они рассказывают друг другу о том, что мальчики делают с девочками.

Они сидят на задней парте. Тычут своим разговором прямо в спину Саше. У него потеют ладошки. Быстрее дышит сердечко. Эй, Санек! Он не хочет поворачиваться. Но оборачивается. Ты че такой? Напуганный, как голубь. Они смеются. По сосудам их смеха течет холодный яд. Саше как-то обидно за девочек. Не ясно, что это за чувство. Но оно никогда не уходит. Как и все непонятные чувства. Иногда Саше кажется, что он и сам как будто девочка. Папа сделал Сашу девочкой. Ему больно сидеть на стуле и слушать все это.

Он выходит из-за поворота. Папа. Зачем ты пришел? Рекс срывается с места. Папины глаза не успевают удивиться, только обделаться. Челюсти самого сильного из всех назем-

ных животных Земли, как вымерших, так и ныне живущих, смыкаются, пощупав кончики папиных пальцев. Тридцать тонн на квадратный сантиметр. Острая расплата. Жалкая жвачка между зубов. Ничто не важно. Позвонок за позвонком. Как тебе равный бой? Теперь ты уже не такой крутой? Мечь не упускает ни единого миллиметра, и того мерзкого инструмента удовлетворения за счет уничтожения: волшебной палочки, делающей ребенка трупом на всю жизнь. Сладкий хруст издает каждая кость. Каждая жила перерублена. Лопается брюхо. Комок истерзанных кишок падает на асфальт. Вот и нет папы. Саша орет. От счастья или от боли. От того и другого. Кровь льется. Бог мертв.

Кто сказал, что Бога нет? Вот Он. Лужа окровавленной мочи с костями в труху. Предатель, который нас бросил.

Саша бежит на кухню. Живым и жестоким трамваем хвост выгрызает в стене дыру. Зверь рвется дальше. Убей или будешь убит.

Безжалостный

Безжалостный

Без жалости.

Взрослые. Мужчины. Женщины. Люди. Жалко всех, никого не жалко. Мальчик подбегает к маме. Заслоняет большое тело – малым. Всех убить. Нет, не надо ее, она не виновата! Миг. Глаза зверя и мальчика сплелись в поединке. Зубы застыли. Миг. Она виновата. Но не надо ее. Ладно.

одеяло вспотело.

поры намокли.

когда уже открыл веки ночью,

и в твою душу глядит слепой потолок,

не ясно, что лучше:

закрывать глаза

или не закрывать их.

окно – бульдог.

у него изо рта

капают слюной

харчки света.

тени разлиты лужами по полу —

первые капли ночи.

кто их проглотит?

слезы ночи.

пол слизывает их своим языком.

это вечер.

снова.

скоро.

Он вернется. Все вернется. Он вернется скоро. Саша подползает к стеклянной глотке. Он хочет посмотреть. Но он уже не может. Он не может не смотреть.

Все было понарошку. Все приснилось. Никто не придет на помощь. Никто не поможет. Помощь невозможна. Мальчик чувствует, что зверю плохо. Рекс никого не убил. Это был сон. Отец еще не пришел.

Саша не хочет смотреть. Ему плохо. Улететь бы туда, где за окном нет двора. Где нет папы. Где за окном колом вогнана в сердце города – телевизионная станция: папиллома человека. Берлин. Саша видел его по телевизору. И Париж. Никто не знает, какой он. Даже те, кто видел его. Потому что никто не знает, какой он – Париж. Он загадочен, как фантазия.

Саша выглядывает в окно. Только сейчас мальчик видит, что с Рексом что-то неладное. В светлой тени фонарей. Первый воин на Земле лежит, как мертвый. Гигантская слеза скатывается по чешуйкам и смешивается с его кровью.

Зверь боролся так сильно, что его собственные ребра вырвались из-под кожи. В крови умирающего солнца виднеются язвы и торчащие кости. И его хвост... Он наполовину оторван. И из него него него хлещет жизнь, волнами, волниеносно.

Зверь умирает. Саша плачет. Вот-вот у него остановится дыхание. Но как же это? Мальчик читал в энциклопедии, что главное преимущество Тирекса не в силе и не в размерах, а в том, что он – неубиваем. Саша страдает.

Мальчик уже представляет, как зверь захлебывается своим последним вдохом. В конце концов, остается скелет, а после и его не остается. Только боль за то, что он умер, а никто даже не знал, что он был. Саша знает смерть. Мальчик знает, что такое – потеря. Дедушка. Саша помнит, как...

осень.

каштаны опадают на изголовье мертвой листвы.

дедушка.

его каштановые ресницы опадают на листья книжек.

а потом его нет.

дедушка был лучшим из всего, что существует.

теперь он худшее из того, что было.

смерть ничего не значит.

смерть ничего не значит.

смерть бессмысленна.

У нее нет никакого значения, никакой цели, никакого смысла, в ней нет замысла.

в ней нет ничего,

но смерть есть.

Мы не знаем, что она такое, потому что мы – разум, потому что смерть – это полная противоположность всего, что мы знаем.

Нет. Ученые. Саша читал. Величайшая загадка: как тираннозавру удавалось излечиваться, получая столь невыносимое количество травм. Почти каждая кость рассказывает историю невозможного выживания. Потрясающее умение

заживлять себя, жить дальше смерти, дальше сломанных костей. Но почему же он не глядит на меня? Почему он один? Из всего кровожадного никогда не было ничего сильнее его. Ни страх, ни мощь, ни власть, ничто. Ничто не способно спасти его. Потому что он не птица. Никакая сила не спасет. Никакая кровь не позволит. Ему не улететь.

и к чему кожные плиты,

зеленоватый щит,

когда на каждом миллиметре внутри,

в каждой точке внутри черепа

вырыт окоп?

идет война с собой.

что делать,

если даже самое главное правило в жизни —

не работает?

если совесть — исключение.

все виновны.

но ведь дети

ни при чем?

Именно невероятная адаптация позволяла Рексу доминировать в окружающей среде. Хвост длиной более шести метров. Хвост – противовес и руль, но и наиболее уязвимая конечность. Без него Рекс неспособен охотиться. Ну и что Саше делать? Попросить маму выпустить его? На улицу. Чтобы мальчик смог хоть как-то помочь. Вы думаете, он не просил? При потере хвоста следует сместить центр тяжести на ноги. Крылья необязательны. Если ты в состоянии ходить, значит, можешь убежать. Саша рвется в окно, чуть не падая в глотку высоты, надрываясь, кричит ему: "Уходи, пожалуйста, уходи. Ты умрешь, если не уйдешь!"

а мальчик просил,

чтобы папа ушел,

чтобы не пришел

Отец

и плакал. А мама сама тоже плакала, клялась и обещала. И мальчик верил. Каждый раз. Саша думал, это правда. Ведь слезы не лгут. Слезы не лгут – это правда. Но никто не знает, о чем слезы говорят. Еще меньше мы знаем о том, о чем слезы молчат. Они не говорят нам о том, о чем хотят сказать слова. Каждый раз, когда верил, Саша не знал: если говорят правду, значит, хотят обмануть. Слово “правда” используют, чтобы лгать. Только лжецы говорят правду. А правда не бывает однобокой. Правда ворочается и лежит на двух боках. на чьей стороне правда? – но правда ничья!

правда никому не принадлежит.

ни у кого нет правды.

правды нет ни у кого.

ни у того, кто верит.

ни у того, кто врет.

Крокодилы – предки динозавров. Получается, отец пережил своего ребенка. Но что же делать ребенку? И кто во всем виноват? У нас за плечами более двух с половиной миллионов лет людоедства. И лишь зная это, можно понять, как

трудно встретить настоящего человека. Но, может, есть еще дети, не евские люди? Спасите детей.

Спасти зверя. Но как спасти того, кого невозможно убить? Боль – часть естественного процесса выздоровления. Нарост. Сначала формируется костная мозоль. Она удерживает вместе части перелома. Затем особые клетки меняют форму кости. Так все происходит. Даже с теми, кто больше не может. И особенно с теми, кто борется.

Боевые шрамы, обломки ребер, попавшие в грудь и живот, раздробленные бедренные кости, зараженная челюсть, открытый перелом, порванная кожа, общая гнойная инфекция. Дело в том, что тираннозавра трудно убить даже после множества ранений. И даже смертельное – не смертельно.

Рексу позволяют выжить три вещи. Иммунная система – это первое. Белые кровяные клетки. Страшные травмы естественным образом излечиваются. Уникальнейший иммунитет не пускает внутрь инфекцию. Сразу нейтрализует. Как вообще выжило человечество?

Рекс не пускает в себя ночь. Он хранит в себе солнце. Но не сегодня. Сегодня он страдает за другого. Что же делать? Кто-то скажет: “Все просто, когда ты ребёнок. Все плохие, ты – хороший”. Ну а что, если так все устроено? Цвет мира – это зло в крапинку, где крапины – добро. Саша пускает в себя инфекцию. Что, даже если он борется, даже если просит, инфекция все равно проникает в него? Помимо его воли. Не потому, что он хочет, а потому что он сын – того, кто хочет.

Область ранения заполняет зернистая ткань. Она быстро формируется и восполняет структуру, пока место ранения зарастает новым слоем кожи. Из-за нее рубцы приподняты и растянуты. Невероятный процесс заживления. Мощнейшая иммунная система и высокоэффективный механизм зарастания ран. Уникальная регенерация. Это умение недоступно его холоднокровным родственникам с их медленным метаболизмом. Гистология костных тканей животного, изучение клеток под микроскопом все объяснило. Тирекс не был холоднокровным животным, как его предок – крокодил. Рекс теплокровный, как его потомок – птица. У птиц быстрый метаболизм, у аллигаторов сильный иммунитет. Тираннозавр взял лучшее от обоих. Рексу позволяют выжить три вещи. Быстрый метаболизм – это второе.

Теперь дождь ревет за окном. Зачем дождь рыдает на него? Ему же больно! Ну и что, сейчас мальчик вновь побежит и попросит. Пусть папа не приходит, папа плохой. Ну что ж, пускай еще раз попросит.

Саша бежит к маме. Хватает ее за халат.

– Мама, мама! Пусти меня к нему на улицу, пожалуйста!

– Что тебе надо? К кому пустить?

– Динозаврик, он на улице, он умирает! Мама, я должен

пойти к нему, ему нехорошо. Я больше не могу смотреть на это.

– Так скажи ему, чтобы ушел!

– Нет, мама, он не может уйти. Он ждет меня. Я должен помочь. Он хочет, чтобы я ушел вместе с ним. Он хочет, чтобы я ушел.

– Куда это?

– Не знаю.

Отсюда.

– Так, папа придет, пусть он с тобой разбирается.

– Нет, пожалуйста, мама, пусть папа не придет. Папа плохой, он делает мне больно.

Саша просит.

Саша просил.

но и в этот раз,

подобно тому, как

чтобы сломать сломанного,

чтобы разбить разбитого,

чтобы привести в действие самоубийцу —

нужно вместо помощи предложить ему денег,

мама ответила мальчику самое страшное из всего, что
могла:

иди в комнату.

Но в мировой клетке. В клетке мира. В комнате. Когда чувствуешь, что жизнь закончилась, но она продолжается, но она закончилось. Человек несмотря ни на что. Несмотря ни на что, несмотря на клетку, несмотря на конец, несмотря на людей, есть Человек. Человек несмотря ни на что. Он живет дальше смерти, дольше жизни. Саша со слезами идет в комнату.

каждый чувствует себя, как хомяк в клетке,

по которой он бегают,

а клетка все меньше и меньше,

а каждый не знает, что делать, что делает. Жизнь каждого заслуживает такого глупого описания. Потому что эта метафора так же банальна, как и жизнь каждого. Но не тиранно-завра.

Когда же это закончится? Вопросом задаются взрослые, задаются дети. Только Бог знает. Что-то Бог знает слишком много. Да. Только где он? – Вот, в чем вопрос. Все меняется быстрее, чем люди успевают говорить об этом. Но одно остается неизменным: Бога нет. Детям никто не способен помочь и не должен.

мальчик вбегает в комнату.

впору порох после боя

вдохнуть

и задышать по-новому.

но

Саша не воин,

Саша воеет.

Однако, если мальчики не могут быть мужчинами, то кто тогда вообще на это способен? Судьба мужчин в руках ребенка. Смысл в том, чтобы выжить. Воля к жизни – это костная реакция на перелом. Без травмы нет личности. Нас рожают травмы. Травмы живут наши жизни. Быстрое лечение, как у птицы. Невероятная иммунная система, как у аллигатора. Но это не все. Есть еще третье.

Так как Тирекс не был холоднокровным животным и мог поддерживать крайне высокую температуру тела, – Тирекс теплый, даже горячий. – Он был вынужден постоянно есть. Но если был ранен, то кто-то приносил ему пищу: либо члены семьи, либо члены стаи. Семьи? Стаи? И хоть большинством ученых оспаривается стайность тираннозавров. Раскопки у Драмхеллера доказывают обратное. Там было найдено свыше десятка скелетов предков Тирексов – Альбертозавров. Среди них как малолетние, так и крупные особи. В момент смерти они были вместе. А это значит, что тираннозавры были социальными животными. Они создавали семьи, подобно птицам, и охотились сообща.

Рексу позволяют выжить три вещи. Третье – это семья. Последняя деталь. Пока он ранен, кто-то лижет его раны. Три составляющие. Три. Этот зверь так силен, потому что не может быть убит, хоть и должен умирать.

Замереть. Все они смеялись и говорили, что динозавров никогда не было. И теперь Саша видит одного из них. Лучшего, сильнейшего. Окровавленная гигантская птица. Зад-

ние конечности стерты о каменный пол. Замереть. С замиранием мальчик наблюдает за его страданием. Глядит на сожмнутость его век, на то, как тот ослабевает. Повернись, пожалуйста, посмотри на меня. Сердце мальчика не хочет биться. Ему нужен кто-то, ему надо домой, но у него нет дома.

Все попытки собрать горячие мысли в холодный кулак оборачивается тем, что мысли сплетаются в клубок зубастых червей. И жрут тебя, жрут тебя, жрут тебя. И вдруг зверь дарит Саше свой последний взгляд. Глаза в глаза. В нем рыдает вечная печаль. Их глаза застывают в объятиях. Зрачки больше не ползают по лимонной орбите. У зверя останавливается дыхание.

Нет! Нет! Нет. Осталось всего ничего. Папа вот-вот придет. С минуты на минуту. Нужно бежать! Шестьдесят шесть миллионов лет назад. В окружении давно умерших джунглей. Поздний Меловой период. Северная Америка. Мир тогда был совсем иным. Мир всегда иной. Страдания тогда были огромными, все тогда было огромным. Гигантская борьба сотрясает почву. Исполинская кровожадная смерть ходит по земле с тридцатисантиметровыми клыками. Здесь его дом.

Саша видит все вещи глазами сверхзверя. Саша плачет древним дождем. Всю его жизнь до песчаных подробностей. И этот бой, и тот миг, когда его конечности утянуты в пески папоротников. Напротив зверя – другой, враг. Два сверххищника вгрызаются друг в друга. Все их силы и гнев – пущены по толстым венам. Но враг оказывается хитрей. Он

узнает тот момент, когда может вонзиться в хвост. Пила делает свое дело. Хлещет кровь, покрывая напуганные лица папоротников. У кости нет больше сил, она сдается. Каждую клетку атакует невозможная боль. Хвост падает на сырую почву. Рекс падает вслед за хвостом. Если зверь сейчас же не встанет, то будет съеден. Он больше не может. Видимо, это все.

Что-то невероятно сильное бьет в дверь. Несколько невыносимых раз. Древний ужас рвется в квартиру толчками. Рыдает звонок. Отец пришел.

Время иссякло, как воздух в гробу. То, что осталось – последний глоток под землей. А дальше: жестокая, как судорога – смерть от удушья.

и что?

чужой среди чужих.

чужой среди своих.

никому не нужный.

с энциклопедией никому не нужных историй о мире.

он мог бы остаться в комнате.

так Саша был бы не виноват.

и оставалось бы еще пространство для маневра.

но для какого?

сломать себе позвоночник?

выбор.

это его шанс на выбор

и он его использует.

Как только ухо мальчика слышит звонок. И мурашки зудят от ужаса. Мальчик несется к дверной ручке комнаты. Из тьмы на свет. Лампочные лучи полнят глаза. Кажется, удивлена не одна только мама, но и мамин халат. Неужели Саша бежит встречать отца? Да!

Пасть двери распахивается. Стоящая возле дверной глотки мать не понимает. Что происходит? Саша нагибает голову и прыгает в окно между рукой и торсом отца, которые встречаются и становятся прямым углом – подмышкой. Мальчик пролетает мимо и вырывается в открытое небо подъезда.

Недоумевающая рука отца тянется, тянется, тянется, длиннится, чтобы ухватить сына за спину, за кожу, за мышцы –

и метр, и два, и три в длину – как спагетти. Ты куда?! Ты куда! – Но рукам отца ничто не подвластно. Не существует никаких расстояний, когда ты летишь. Саша летит. Вот так вот просто.

Зверь лежит без сил. Кровь успокоилась. Сгладилась штилем на порванной коже. Он смог подняться. Он смог убежать. Но. Ему все еще больно. Нет, не все еще. Теперь. Теперь ему больно.

Он рухнул в свалку кустарников. Среди огромных деревьев древнего леса. Где почти что нет света. И худшее, что его ждет, – это голод. Но зверь не может охотиться. Ведь хвост это все. Без хвоста он не сможет поймать никого. Без хвоста не встать, без хвоста не бежать, не повернуться, не жить. И голодать он не может, иначе умрет.

Саша падает вниз по ступенькам. Свободный, как заключенный. Мальчик летит, как скала, между старых дверей и дыр на стенах, заткнутых бетоном и монтажной пеной. Он еще не отрастил себе крылья, но скоро. Скоро он вырвется из лестничной клетки.

Все кончено. Зверь спасся, но теперь умрет от голода. Горящие веки еще шевелятся. Но чем больше приходит свет, чтобы порезать глаза, тем дальше уползает надежда. Его найдут, и добьют, и съедят, и.

И вот, он видит, как в мутной жиже юного рассвета. С ореолом рассветных лучей вокруг громадного тела. Толстенные когти, бороздящие землю. Утиные, малютные лапки.

Зуб за зубом, засевшие в дряхлой мертвой плоти. Туша в гигантских ножах. С первым лучом света. Это другой. Вернее, другая. Его другая. Его спасение. Его семья. Она убила, чтобы он – ел. Она живет, чтобы он – жил. Последний шаг. Саша выбегает во двор, а там ничего нет.

Спокойной ночи

прости
стихи это кишки
вываленные на бумагу
на
подержи
текст это тело
истекающее буквами
ключ вытащила
завтра рано вставать
уже ложусь
не забудь купить туалетную бумагу
люблю

Р-ад

цветы порхают по земле
ветер плывет красиво
мимо
мысли тают навстречу весне
тонкая нитка улыбки
я рад быть здесь
паралич мышц лица
не знаю
что сказать
зрачки прячутся в белках
я правда рад

Послесловие

бороться до последнего всего
до последней поломанной кости
до последней мурлычущей мышцы
до последней слезы
плачущей о том как она любит любить
до последнего нерва
желающего погибнуть
до последней боли
окрашивающей черное в белое
до последнего сухожилия
порезанного выбором
до последней мысли о чем-то
красивом
спать до последнего пробуждения
до последней судороги – жить
мучиться до последней мечты
до последнего сопротивления
до последнего ничего
до себя последнего
бороться

Родина

у них на столе моя жизнь
по телевизору сказали
чтобы стать настоящим гражданином
нужно умереть
возьми в окопы две книги
читай между выстрелами
любовь лежит по ту сторону чей-то жизни
делай что необходимо
отдай что нужно отдать
любовь не знает добра и зла
верь в будущее
забудь настоящее
люби человека
убей что останется
родина отыщет всех
даже тех у кого ее нет
только дом
в который вломятся те
у кого родина есть

Не упади

не падай в человека
пропасть
это тело
или то что прячется внутри
не упади
ты не умеешь плавать
это океан
и его гладь
лишь отблески лучей
делают ее похожей на песок
по которому хочется пойти
не думай что ты видишь день
это ночь окрасила твои зрачки
держись за берега своих глазниц
не упади

Мечты

точные улицы
затачивают в ножи
мои мягкие мечты
а те
отделяют от костей
срезают суставы
выбрасывают устало в мусорный мешок
все что ослабло
все что что хочет обратно
мечты мнут
мясистое мясо
мясо из мяса
то что осталось выбросить
вину
то что оставил кухонный нож
столу

Сколопендра

пахнет человечиной
воздух изуродован тревогой
на полу голодный голый мясной конус
прутья ее рук
перила ног
скручены в замок
в спину вгрызся позвоночник
ползет под тощей кожей многоножкой
ключ остался в прошлом

Выход

на стене покрытой граффити
у входа в притон
написано
каждой жизни – смысл
каждому миру – Бог

Больше не

на кончике самой последней иглы
за стеной последней дозы
в безмолвной ощутимой пустоте
обернутый в последнее “больше не...”
всегда раздается ее смех
над нашей шуткой

Эйфелева башня

ее точно построили эльфы
или феи
или вместе
меня раздел этот город
теперь раздевают зрачки
тебе и
незачем его видеть
ты так похожа на Париж
всмотрись
в отражении моих глаз
красивая ты

Монпелье

почти двадцать четыре часа
в автобусе
туалет сломался
здесь и правда
солнечнее солнце
в каждой травинке смысл
в каждом винограднике Бог
теперь я понимаю
почему Ван Гог
так любил
эти подсолнухи
фиолетовые океаны
лиловой лаванды
среди плоских салатových скал
как лесная лиса
ты считал что схватил сказку
а она умерла но сбежала от тебя
без хвоста
я уже уезжаю
обратно

Всего лишь

я видел много страшного
всего лишь
я видел как всего лишь
убивает
оно убило моего друга
он повесился с помощью
всего лишь
двух слов
боль – всего лишь мысль
сила – всего лишь слабость
Бог – всего лишь шутка
все – всего лишь что-то
можно жить задом-наперед
это всего лишь перестановка
любовь – всего лишь химия
радость всего лишь гормон
все написанное —
всего лишь слова
он – всего лишь мертв

Венская пальма

не выходи на улицу
там мои раны
они разлиты пивом рядом с мусоркой
и пальмой
какая пальма?
неверная мне
венская
стоит одна в горшке
она на холоде
на площади
на помощь мне

раны разбросаны бычками
святой Карл говорит
ему моря не хватает
а я молчу
я ничего себе не отвечаю

несчастно-нежная
пальма не может не нуждаться
в весело-венском вечере
вдвоем
наедине со многими

голый голод в горле
я вешаюсь в ее глазах

мы вросли друг в друга
ветви пальмы вьются
на ветру волняются птицами
прохладно
мне не плохо
мне фатально

чем больше я живу
тем меньше я мечтаю
пока выходит лишь бомжом
но я всегда хотел быть вороном
верным воле
растать в ветер властью над временем
но я не черный
и я не могу питаться смертью
я плачу
когда кто-то умер

маленькое небо дымится между пальцев
по-венски плачет небо цвета дыма сигарет
мне не хватает лишь тебя
любимый вальтер
как жаль

что тебя со мною не было
и нет

я слишком много ел ее
теперь со мною здания
оттенка розовой мочи
мороженого пудинга любви и красоты
они несовместимы с ранами кишечника
ну разве только если без глютена

одни страшные
другие радужные
одни глубокие
другие выпирающие
одни пусты
другие же полны людьми и
да
иногда они пусты
и кажется
зажили

потом опять кровят
на фоне пальмы
как цветы
что здания что раны
нанесены на тело Вены трупами

и я
как родинка
которую содрала родина
у меня перекись воспоминаний
и зеленка в желтенькой бутылке
я смажу мясо
выпирающее у пальмочки из-под коры

еще недавно
раскрывались лепестки коротких юбок
и скверы покрывались мразями
цвели тюльпанами знакомства
отцветали последними словами расставания
а я стоял не зная
начинать или заканчивать

ведь те трупы
что все это строили
мертвы
а те что резали меня
те живы
даже если умерли

спросите у моей бутылки
она в курсе
единственная

кто на самом деле слушает
и булькает в ответ

я хотел бы человека
чтобы кто-то был со мной
у меня лишь одно требование к людям
чтобы не хуже чем вишневый сидр
вообще я всех равняю с выпивкой
и если честно
пока ее никто не перепил

из всех людей всех человечней пальмы
и бутылки
ухо человека просто дырка
и очень уж на унитаз чем-то похоже
может смыть
но не поймет и не поможет

и рот как анус
ты думаешь тебе помогают
а он срет в тебя
для того чтобы страдать
нужен кто-то
а для того чтоб выпить
нужен я
и пальма

святой Карл
и асфальт чтобы стоять

им даже не нужно моих денег
пальмы лучше девушек
бутылка спирта
человечней человека нет

и раны любят
если напиваюсь
им так легче самовыражаться
я тоже радуюсь когда напиваюсь
только одежда сразу намокает
бардовой жижей
ну ничего
я дома постираю
всего пять евро стирка

мы все молчали
но рот подобен рвоте
если в желудке язвы
гной в мыслях
вместо крови гной
от гноя мажет
я затыкаю дырку
а он лезет из другой

я давно стал раной
а раны стали мной
когда же раны
станут радугой?
я пью прежде всего
лишь для того
чтобы не помнить даже для чего я пью

послушай
бабочка
отвянь
летай себе по сортировочным бачкам
ничто не главное
и никто не главный
нужно быть хорошим и плохим для всех
самым плохим
самым хорошим

это слишком
я давно выбросил
в необходимый бак
все лишнее
я ни хороший
ни плохой
и я не существую больше

я труп пока еще живущий недотруп
мусоровозка с мыслями о многоточиях

я недо-жил
я пере-умер
у меня пере-сейчас
мне не до сна
но нужно примириться
примируюсь потом
пере-постой
постой
я не могу один

я труповоз
а это спецавтомобиль
и не хухры-мухры
я перевожу в себе всех трупов прошлого
с комфортом
они все живее чем я сам живут
но мне бывает одиноко
в моей рано-кабине ночью

тогда я пытаюсь петь
мое молчание смеется надо мной
из горла выпадают камни
словами мы лепим людей

а меня смучили молчанием

на лечение общением у ран иммунитет
они пихают в меня член и душат
затем идут купаться и петь песни
в душе

они всегда со мной
на выдохе и вдохе
ревнуют
если я бываю с кем-то ближе
пример
мы с пальмой были заняты тем самым
а раны отказались дать презервативы

пока не ясно
кто из нас кого перебухает
но пока я обнимаюсь с пальмой
раны напиваются и строят планы
пока при жизни раны
жив и труп
нанесший их
пока я жив
со мною будут жить и раны

как мне сказала как-то пальма

ведь

уже не важно

что на самом деле важно

уже не нужно все ненужное

что нужно

я посмотрю на тело испещренное цветами

что так красивы вкупе с белыми бинтами

допью пиво

попрощаюсь с пальмой

и пойду домой

на Döblinger Hauptstraße 55

Не должен

закрой глаза

или смотри сквозь пальцы

нежней ощупывай свое запястье

будь тем кем ты не должен быть

не думай не грусти не помни

не сочувствуй

Одинокий лимб

СМЫСЛ НЕ В ТОМ
чтобы быть другим
СМЫСЛ В ТОМ чтобы быть
с другими
ночью
на небе
я замечаю
как отломился кусочек луны
опускаю глаза
и понимаю
что я
один

Пластмасса

ресницы кедровой сосны
и бледная кожа Луны
ее можно достать только вафельным пальцем
но не пощупать
и не погладить

в небесной кастрюле —
ночной пластилин
как мелкие точки кипящего масла:
звезды
в моих печенюшках нет больше вины
кто-то убрал ее из состава
сегодня

фигурки в кроватках
все пазлы – в коробках
и лишь оловянный солдатик
не спит
вчера он лишился ноги
а сегодня всего остального

космос укутан
в матовое одеяло

на нем разбросаны конфетти
ракушки конфетки цветы и сердечки
детальки от lego прилеплены к небу
я никогда не готовился к этому

ватная ночь
мне все ватно
мысли
как расплавленная пластмасса
тянутся вяжутся
но не мыслят
нет никакого смысла идти
как и нет никакого смысла оставаться

я размазан маслом по холсту
мне не холодно
но я дрожу
сегодня я рассказал себе шутку
про то
что все это абсолютно не важно
и сколько бы я не просил свое отражение
оно не переставало смеяться

по бокам поролоновая
и тяжелая обивка
тягучего воздуха

фиолетовая темнота мне сказала:
успокойся
и я успокоился

я счастлив как труп
и больше не грущу
как живой
я готов сейчас же уйти
может кто-нибудь скажет:
постой

мое сердце
как малиновый кекс
что так сильно
каждому каждому
хочется съесть
но в нем нет ничего
кроме крови

я долго искал тебя
в списке моих ингредиентов
но не нашел
мне повар у твоей могилы сказал
что такого рецепта
не существует вовсе

а древесные кишки
и цветущие почки
мне дошептали
что я тоже мертв
но мертв попозже

все сделано
все совершенно
нет цели
нет сожаления
иногда мои зрачки спрашивают у белков:
а что
если бы все случилось иначе?
но слезы поправляют глаза:
случись все иначе
все было бы также
нет никакого иначе
его не бывает

Сироты

вселенная это детдом

а мы ее дети

вселенские сироты

у нас нет отца

у нас нет отца

у нас нет отца

наш Отец нас бросил

Для чувств

я не могу сказать
ни то
что хочу
ни так
как хочу это сказать
я лишь учусь подбирать слова
для невыразимых звездами чувств
я пока не нашел даже нужные буквы
и не найду

Собой

обретаешь одно
теряешь другое
теряешь что приобрел
теряешь все
щель между есть и есть
ты не то что ты есть
и страдаешь чтобы стать

Слова

все слова об одном и том же
они рассказывают одну и ту же историю
разными историями
это пазлы
где каждый пазл
это вся картина целиком
не важно
что ты скажешь
слова сами все понимают
слова сами
это то
что ты хочешь сказать
и даже молчание
говорит само за себя

Весна

газонокосилка казнит траву
зеленые продолговатые трупики
червячками ползают по ветру
медовая кровь течет
из распаханых брюх деревьев
поцелуи других на вкус
как гной
а все запахи воняют тобой

цветы поедают солнечный свет
обгладывают кости лучей
лилово-малиново-нежными ртами
я знаю
что люблю тебя
а больше
ничего не знаю

Тьма

темнота полна признаниями
ей нет конца
и нет начала
темнота это правда
утро лжет
рай это белый пушистый ад

Автопортрет

одинаковые картины
один и тот же художник на всех полотнах
автопортрет вселенной
все картины кровью
даже если вместо крови
песок
или звезды

Попытка

несовершенное совершенство

совершенное несовершенство

незавершенное свершение

лишь попытка

нельзя закончить

нельзя остановиться

есть только слово

за ним ничего

эпилог это начало

конец это пролог

Одна и та же

салфетка впитала мое горе
и молча намокла
нужна другая
мне нужна новая

но у каждой из них
две милые ножки
губы для поцелуев
зубы для большего

одна из них – нож
другая – ножны
а я не хочу быть ножом
и не хочу стать кровью

каждая
одна и та же
каждая
это
три входа в ад
и дьявол в центре
три дырки
одно сердце

а мне нужна переправа
через Лету
от того где я был
туда
где я не был

Поцелуй

я поцеловал тебя
между тех одиноких звезд
где мы молчали
в голой тишине
ведь нам нечего было сказать
а звезд мы не понимали
и никогда не узнаем
говорили ли они
хоть что-то

ОМ-НОМ-НОМ

жизнь

это все вместе

встреча

и расставание

мороженое

и кал

вкусное одиночество

и несъедобные поцелуи

нужно учиться есть все

ты уже взрослая

Вдох

между нами лишь три метра
как те три метра под водой
что не дают вдохнуть
но ты не подойдешь
и я не задышу

Ты

меня знают
что это значит?
кто?
меня никто не видит
и я слепой

в четырехугольном зеркале
меня разглядывают зрачки
выпученные
слепым потолком

соленые глаза прилипли к глазницам
ты – зудящие черви в костях
я смотрю фильмы
и каждый фильм – про нас

ты – бритвы в деснах
сон ничего не может
день ничего не видит
ты – воздух в могиле
ты – зубы под кожей

порезом по венам – твои ресницы

меня делают счастливым
лишь незнакомые люди
что иногда улыбаются мне
на безлюдной улице

веревку в узел продень
я все на жизнь променял
моя каждая ночь про смерть
каждый мой день про тебя

Дом

а в прихожей только порог
на который никто не придет
и кровать
в которой никто никого не любил

Внутренности

понадейся
на свою надежду
и вскоре не на что будет надеяться
останется одежда
а тела не останется
тело сожрут внутренности
выползшие из сердца
первой будет съедена грудная клетка
затем выпотрошен желудок
когда кишечник набьет себя трупами
и внутри нечего будет кушать
кожа не сдержит боль
и внутреннее станет внешним
а внешнее заползет внутрь

Монстр

кто-то лежит за окном
бледный монстр
он светит фонариком мне в лицо
он видит всех
и его все видят
у него есть время
которое он забирает у всех
у него в заложниках люди
и небо
это день

Дыни насилия

как цветы цветные
как дыни вкусные
следы насилия
синяки на коже разума
некроз душевной ткани
я люблю тебя
всегда любила
уйди
останься

Свободный

ЭТО ТОТ
КТО
сидя в концлагере
сшил себе Бога
из воспоминаний
добро-домашних
и вдруг осознал
что ни Бога
ни дома
ни добра
в нем не осталось
только боль
тающая в глазах надзирателя

Ушел

прошлое становится фантомом
который ест ампутированные ноги ночью
вернуть хотят не тех
кто ушел
а тех
кто бросил

Конфетти

и останешься ты
лист
на котором
нечем писать
и не пишет никто
так для чего
ты был порван?

Розы

человек это тот кто теряет
тот кто не нашел
но потеряет
громче слов лишь тишина
между словами
но больнее все-таки ночь

и пока чернели легкие
глаза рыдали
волосы все больше
выцветали в розы
сколько ни пытайся
не спасешься
человек учился не дышать
чтобы нуждаться в кислороде

рыдал
чтобы понять
что нужно
улыбаться
человек это тот кто потерял
когда нашел

не держи
оставь все

И ВНОВЬ

небо продырявлено
куда глядят твои глаза?
минуя мысли
смотри в чувства
нежно
сладко
пахнет запах
вкусные воспоминания
не наешься красотой
не надышишься печалью

Шум

город томно воеет
так
будто
ему вогнали в пузо нож
и разбрюхатили его
показалось
мотоцикл
стройка
нет
машина
воеет все
и жутко
будто Монстро прохаживается по улицам

Прошлая

на полу
с лицом разбитой посуды
будущее в родильных муках
жметя выкидышем к материнской вульве
и проваливается в пустой воздух
пачкает его кровью
просится к маме на ручки
но мамы нет
она не вернулась

Писать

это просто
плакать
над бумагой
они бросают меня уползая
по щекам
слезы
которые я отдал твоим глазам

Чувства сознания

одинокчество осязаемо
как прилипшая к столешнице души скатерть
а безумие рядом
его можно погладить
невидимым пальцем
и отыскать языком
его поцелуй
у себя во рту

Красота

я видел красивые вещи
мне казалось
я схожу с ума
и я сходил

я видел красивые вещи
и чувствовал их красоту
на коже
в глазах
на ладонях
они дышали мной
а я не мог

я видел красивые вещи
их улыбку
она мне снилась потом
это были деревья
и солнце
и синее небо
и что-то еще
оно было невидимым

я видел красивые вещи

самые простые
я не плакал
и не улыбался им
просто смотрел
я видел что-то
чего не было в них
я видел красивые вещи
когда был один

я видел красивые вещи
искал их потом
и не находил
хоть они
были все время вокруг
а я был слепым

я видел красивые вещи
дождь
стакан кофе
кто-то напротив
они были красивыми
сигарета все тлеет
и в воздухе дым

когда я был пуст
и хотел уйти

я знал
мир бывает красивым
мир был
никто и ничто
не в силах изменить это
я верю
в то что я видел
я любил человека
который меня не любил

я видел красивые вещи
и когда
я увидел их вновь
то вдруг понял
во мне была красота
это я был красивым

Вослед

за папу
за маму
я скармливал
воспоминания
двум ртам
впалым от голода
уставшим видеть без тебя

он заходил ко мне с утра
сказал
я ему нравлюсь
и остался ночевать
в моем теле
без меня
это был новый я

крови не бывает много
ее всегда еще
хотя бы раз
я вырывал
смачивая ногти
и бросал вослед тебе свои глаза
чтобы увидеть

еще раз
тебя

глаза бегали за ветром
среди ног
по тротуарам
и падали
вместе с дождем
в канаву

Лужное будущее

утром я понял что не умер
выбежал на улицу
наружу
спрятался за пазуху дождю
под его прозрачное пальто
к его теплому телу

под мышкой у неба
добежал до кофейни
и снова на ветер
стаканчик кофе здания лица
глаза
намокли стеклом

закурил на голодный желудок
этот день промок
он простужен
я уже видел его
он плакал в меня дождем
затем я возвращал ему слезы

я улыбаюсь простуженным
а чего все —

не смеются?

и гнойные тучи на лице у лужи
я подхожу к ней
эти дни душат думы
растворяя их в цветущем душе
дождевых лучей

будущее – это отражения в лужах
зазеркалье настоящего
у луж тоже есть души
души тех кто в них смотрит
и думает

а в лужах деревья и воспоминания
растеклись по небу
воспоминания как потекшая туш
на моем отражении

события не умирают
и никогда не сгинут
пока смерть не умрет
они остаются на лицах
спазмами боли
или улыбкой

На пороге

призрак заблудился в моей прихожей
призрак
что всегда уходит

он всегда со мною
я сплю и вижу
краем глаза
сквозь закрытые глаза
как он стоит возле меня
но как только я проснусь
он сразу же бежит к порогу
и стонет моим стоном

я иду к нему
прошу уйти
отдаю ему твои часы
но он не хочет слышать
он кричит мне
ты один

я делаю навстречу шаг
он петлею свешивается
над оврагом моего порога

и грозитя прыгнуть в пропасть
моего одинокого пола
на котором стояла твоя обувь
когда мне было больно

я зову его
ну так пошли со мною
в комнату
где были порваны обои
над кроватью
где мы лежали без одежды
укутанные друг в друга
укрытые в постели
несчастные без надежды

он говорит
что не пойдет
потому что у него нет ног
я хватаю его
он прячется в дверь
я говорю ему что его нет
толкаю призрака в грудь
а тот делает шаг навстречу мне
и шепчет
что я никогда
не смогу уснуть

он сворачивается клубком
на самом краю порога
говорит мне
что так больше не может
и рыдает

я прогоняю его
вместо слез
он роняет на пол
мы будем вместе всегда
он хочет
чтобы было больно
ну а мне и так

я ухожу в комнату
и укутываюсь в кровать
сквозь сон
я слышу
как твой призрак
снимает с вешалки пальто
и твои ноги
на пороге
что всегда уходят
каждый день
но не уходят

ПОТОМУ ЧТО
УШЛИ

Магазин

моя душа из мяса
гниет как сигаретный дым
и плачет как весна
на полке магазина
в отделе просроченных людей
но не просроченных надежд на день
на солнце что взойдет в подвале
в помещении
в котором
воздух жирный как металл
воздух вдыхал и выдыхал
и выдышал себя в том магазине
где гниет мясная херь
что почему-то что-то возомнила о себе
и назвала себя душой
лежащей на витрине
поучающей пустые полки
что вселенная изобрела людей
чтобы сойти с ума
что люди
изобретали на заводе человечества
днем и ночью каждому по новенькой душе
каждому по Богу и по смыслу

что люди выдумали душу
чтобы не сойти с ума от мяса
из которого и соткана душа
что я лежу на полке магазина
ведь меня всегда и все учили
что необходимо как-нибудь
уметь себя продать
но я здесь
так как вселенная изобрела не только тело
но также каждому по Ты
каждую Тебя для каждого меня
а потому
моя грудная полка ждет
мое мясо хочет покупателя
мечтает – ты пройдешь мимо витрины
мясо смотрит в ночь глазами гнили
но правда в том что никогда бы не впустили
и не впустят никого обратно внутрь
эсэсовцы моей души
ведь магазин закрыт

Сегодня

я решил
не решать ничего сегодня
у меня
лакированные сапожки
я хожу в них
черных
по городу
и преследую солнце
разбрасываю руки
кидаю в стороны ноги
дышу воздухом
я свободен

Плата

твои глаза
вылупляющиеся в ужасе
посреди ночи
невидимый пылесос
вытягивающий воздух
из твоих легких
бесчеловечный смех простыни
над тобой
наплевательское отношение одеяла
к твоему горю
твой подушечный плач
ни для чего
в пустоту
твое
я больше
не смогу
твоя жизнь
которая привела тебя
из ниоткуда
как канал
в никуда
ты – вонзающийся
в собственную трахею

твое тело

что так мерзко потеет

при этом

скольким ты пожертвовал ради этого?

Душа из мяса

свет падает на меня гильотиной
лучи свисают как висельники
под ногами утопленники-листья
их коричнево-синие лица
омыты моим дождем
я все еще не выплакал тебя
и не съел свою мясную душу
прости меня

правдивей всех
о будущем говорят
могилы
каждое кладбище
пахнет фразой
мы больше никогда не увидимся

ты так красива
я увидел тебя впервые
когда спал
я засыпал
когда видел тебя
в последний раз

глаза знают
красота —
это будущая падаль
но от мяса не избавиться

Рай

на кушетке
в больнице
имени человека
никогда не заживает
мое душевное тело

в госпитале рая
в психоневрологическом отделении
душевных войн
никогда не сворачивается
моя кровь

я умер и теперь
они хотят оставить меня здесь
я шепчу райской медсестре
отведите меня к Богу
я Ему все объясню
никто не вынесет рая
никто не сможет простить все
я не смогу

вечное пережевывание
своих костей

вечная боль
рай невозможен
невозможен Бог

Осень

я курю небо
вставляю в него
белое
сигарету
вдыхаю облака
и пью дождь

в моей душе очень
очень на вкус мечта
сладкая
я всегда любил осень
а осень любила меня

проводит до дома
я впущу ее
открыв окна
заварю ей кофе
найду какой-нибудь фильм
что-нибудь человеческое
сентиментальное
чтобы смотреть
укрывшись под одеялом

осень спросит:
ты разве не слышал
слова весны?
она обещала
что вернется
но не решилась

ну и пусть
никогда не приходит

мы пролежим допоздна
я в осени словно в ЭТИХ СЛОВАХ
она в моем теле словно
ее тело с моим в постели
она припадет
скажет мне на ухо что-то прохладное
и я растаю
никогда не мог разобрать
что жизнь сказала
и чем больше жизнь говорит
тем больше я убеждаюсь
что она молчит словами
ее можно понять лишь в дождливых объятиях
тело к телу
в кровати

осень ушла

сколько бы я ни просил ее

остаться

Помощь

впереди улица
на которой никто
не поможет
да мне и не нужна помощь
мне нужно
чтобы меня оставили в покое
чтобы закончилось
успокоиться
хочу
чтобы мне чаще улыбались
были приветливы
говорили со мной
говорили
а не громко молчали
как обои

Прохожий

тебя не хватает
я видел время
вечный прохожий проходил мимо меня на каждой улице
я хотел поговорить
пытался поймать его за руку
но в ладонях оставались мгновения
каждым прохожим была ты
а я был каждым кто прошел мимо

Мечта

монстр пожравший небесный свод
это Исаакиевской собор
вдруг я вспомнил свою мечту
я мечтал...

не помню
бронзовое лицо ласкаю
глютаю глазами Неву
иду в Эрмитаж один
ангелы убивают друг друга
за место
на картине

Знать

я в толпе человеческих зеркал
и дьявол в каждом отражении меня
каждый выбор – шрам
я порезал свою кожу на холсты
и сшил из вен полотна
я нарисовал собой картины
развесил в пустом здании свои кишки

пустой храм
который я закрыл
упертый в мои ребра
но в нем молятся не Богу
и не торгуют свечками
если и придут туристы
то в поисках бесплатного туалета
в нем молится дьявол
сам себе

пустой
и в нем нет места никому
там плачет потолок
я и сам туда не захожу

из меня выползала змея
уставшая сидеть в моих глазах
когда потухло солнце в отражении сетчаток
и охладели камни
на которых та змея лежала
я больше не хочу ничего знать

Любовь

любовь

это фольклор звезд

химия народа

учительница случая

ужас

тебя любят

а потом

ты просто кто-то

ты – никто

Ближе чем звезды

я найду тебя
по сторбленным рукам
по искусанным зубам
по спрятанным под кожей зрачкам
изрезанной взглядами
пальцами
по поломанным глазам
по исхудалой душе
по запаху концлагеря
по сердцу из металла
который растаял
но не сломался

мы будем стоять
на расстоянии
несомкнувшихся губ
между нами вдох
который рядом с поцелуем
ближе чем звезды
но слишком далекий
чтобы стать поцелуем

ты расскажешь мне все

я угадаю момент
когда стану не нужен
моя слеза погладит асфальт
я не тот о ком плачут
пощупаю сигаретным окурком звезду
затушу свою грусть о небо
и прогуляюсь под одиноким космосом
одиноким до дома
я найду тебя
чтобы потерять

Такая же

и вот я
сизу и понимаю
что жизнь одна и та же
всегда была
такая же
как пять минут назад
и как вчера
и десять лет погibli
а я не понимал ее
и сейчас
не понимаю

Развилка

МОИ НОГИ ГОТОВЫ
Я ГОТОВ
ЭТИМ ПУТЕМ
ЭТИМ ИЛИ НИКАКИМ БОЛЬШЕ

КОГДА МОИ ГЛАЗА
НА РАЗВИЛКЕ
НАДРЕЖУ СЕРДЕЧНУЮ МЫШЦУ
И ПОСМОТРЮ
В КАКУЮ СТОРОНУ ПОТЕЧЕТ КРОВЬ
И ЗА НЕЙ ПОЙДУ

ПУТЕМ
ЭТИМ ИЛИ НИКАКИМ
ЭТИМ ИЛИ НИ ОДНИМ
ЭТИМ ИЛИ КАЖДЫМ
Я НЕ ВЫБИРАЮ

Жасмин

так и есть
накормить рот искусства собой
и исчезнуть
смысл в том чтобы быть
желанным жасмином
нежным и желтым
даже если при жизни не цвел

быть сорванным
быть любимым
может быть
на мне не хватает пыльцы
но уж кровь-то найдется
пусть льется
подставьте кувшины
мойте посуду моими мыслями

быть по крайней мере муррайей
укравшей у жасмина имя
тихо расти
на небе китайских гор
быть говорящим среди немых стволов

берите мои плоды
делайте из них мармелад
пейте мои слезы с чаем
как прекрасно что чай
тоже бывает несчастным

да хоть муравьем
говорившим с листом
пока его нес
а не тем у кого
губы шевельнулись в поиске слов
но так и не выпустили
ни одного

остаться
занять свое место
потому что имеешь право
или...
займи

недолюбили
я часто это слышу
может быть
недобили
любовь
потому она и любит других

сквозь зубы
безмолвно

смысл в том чтобы быть
чувством
таять на языке
смешаться со слюной
смысл в том чтобы быть
почувствованным
за спиной

я пишу честные стихи
и искренние тексты
мои герои
ноготком проводят по коже
и под кожей чешут
ножом

смысл в том чтобы быть
вечно
нет
смысл в том чтобы быть
съеденным

После сна

столько лиц
и все не мои
каждый вдох сигарета
мне здесь не место

я иду домой
к своим
к своему потолку
целующему зрачки
ножевыми ударами
моей вины

перед тобой
собой
перед миром
перед чем бы то ни было
кто я такой?

я иду
к своему окну
с которым курю
одну за одной – одну

щупаю свою пожелтевшую кожу
тяну
ее надел себе на рог
и носит
на носу как носок
носорог
она не рвется

я смотрю в потолок
у него на лице
бутонами язв цветет
отражение любивших тебя глаз

так любивших тебя
но моих
я смотрю в потолок
а на нем
растут цветы
всего того
что никогда
не произойдет

я вынимаю изо рта
дымящийся бивень
отдаю его полу
в его холодные руки

я отдаю тебя полу
на котором спит лезвие
босиком по которому
пару шагов всего
до спящего лезвия
что шепчет сквозь сон мне:
возьми меня в сердце

пальцы заводят будильник
вам не разбудить меня
вам не разбудить никогда
того кто не спит

мысли спутаны путаницей ее рук
словами руками губами
руки рукам ее
ноги ногам
ноги немеют
задушены лианами ног ее кожа песок

мысли обвиты ее глазами
вокруг шеи висят наши общие планы
уши словам
сердце губам
я ворочаюсь под одеялом

захлебнуться в глазах
навсегда захлебнуться
и остаться в ней навсегда
я ворочаюсь под одеялами

и снова
гуляю по бульвару
я очень пьян
и очень сильно плакал
остановлюсь
прежде чем снова пойду
и вспомню о том
как любил
одну за одной – одну

это неправда
мерзко сверкает
промокший насильственным светом
размазанный мелом по небу
воздух

рябит как экран монитора
туман
чихает развешанная гирляндой
осень

пластилиновый воздух
липнет к глазам
я не знаю
кто это сказал

краски и цвета
горят
и плавятся
и льются в меня
как металл и дымка

на моей
шероховатой
заплесневелой сетчатке
лучи всего что было

вкусные ресницы
малинового берега
трупные змеи
вместо кишечника

из прохожих мыслей
в бетонной одежде
пустой и холодный
отражаю все

я вижу время
то
где я был
и где не был

и пока рыдали глаза
легкие чернели
волосы все больше
выцветали в розы

город
я влюблен
в твою нелюбовь
хочу целовать
твой громкий шепот

и греть
холодные скулы будней
пока цветут гнойники
оттаивают раны и язвы
я плачу один

город заживает после меня
я огля-и-огля-и-оглядываюсь
ворочаясь под одеялом

в меня глядит людная пустота
я не знаю
какого цвета
мои глаза

я вижу потолок пока гуляю по
набитой весной мостовой
вместо моей крови – слезы
вместо слез – любовь

на небе азиатский
ускоглазый закат
жмуть к перилам
чтобы увидеть
как

жирные каналы дышат морем
я ничего не помню